Créme de la Créme

James Purdy Джеймс Парди

I AM ELIJAH THRUSH

я – илайджа траш

Перевод Валерия Нугатова

Серия «Crème de la Crème» является совместным проектом издательств "Kolonna Publications" и «Митин Журнал»

Джеймс Парди **Я – ИЛАЙДЖА ТРАШ**

Благодарим Harold Ober Associates Inc. за помощь в приобретении прав на эту книгу

Редактор: Дмитрий Волчек

Оригинал-макет и верстка: Сергей Фёдоров

Обложка: Владимир Казак Корректор: Андрей Амочкин

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© James Purdy, 1972 © Валерий Нугатов, перевод, 2008 © Kolonna Publications, 2008 © Митин Журнал, 2008 Миллисент Де Фрейн, которая была молода в 1913 году, единственная владелица громадного нефтяного состояния, томилась от неизлечимого недуга – капризной безысходной любви к Илайдже Трашу, «миму, поэту и живописцу-модернисту», который, сгубив жизни бесчисленных мужчин и женщин, под конец и сам влюбился – «неприлично и даже непристойно» – в собственного правнука.

Попав в зависимость от своей привычки, я по глупости стал платным мемуаристом Миллисент Де Фрейн, а поскольку я еще и чернокожий, она ценила меня особенно высоко: ведь в Нью-Йорке передо мной раскрывались многие двери, заказанные для белых.

Работа была тягостная, каким, наверное, бывает поедание эклеров и наполеонов по семь часов в день, но моя привычка (которую я подробно опишу позже) вынуждала меня ее выполнять. Хотя организм у меня крепкий, нервы все же слабые, и я никогда не знал толк в преступлениях или прибыльной каждодневной службе. Не отличался я и даром защитника собственного народа, хотя проживаю и, наверное, буду впредь проживать в отеле «Райские кущи Божественного Отца»^{*}. Рискуя навести читателя на мысль, будто этот рассказ – обо мне, я позволю себе

* Божественный Отец (Джордж Бейкер, ок. 1880—1965) — афро-американский духовный лидер. Его паства выкупила для своих нужд несколько отелей в Нью-Йорке и других городах сша. — Здесь и далее прим. пер.

заметить, что восхищаюсь насилием и мятежным духом своих нынешних «собратьев» (хотя само это слово и вызывает у меня ухмылку), но могу жить и оставаться лишь таким, каков я есть: отчаявшимся, но умиротворенным. Вероятно, будь я посветлее (во время первого моего визита в «Сады Арктура», студию Илайджи Траша, он грубо сказал мне: «Вы – цвета спелого баклажана!»), – я бы, возможно, страдал меньше. Единственная моя страсть – моя привычка, и моя теперешняя задача – зарабатывать на эту привычку, излагая подвиги Илайджи под диктовку его «наперсницы» Миллисент де Фрейн. Сей рассказ ни по языку, ни по содержанию не придется по вкусу современной эпохе, и по этой, равно как и по другим причинам, я беззаветно за него принимаюсь.

Так как я – чернокожий, белые прощают мне все, и, возможно, это еще одна причина, почему мне доверили рассказ, до которого бы не унизился белый писатель, изо всех сил стремящийся к благородству и звонкой монете. Мне позволительно быть сколь угодно низким, и оправдание всегда наготове. Это не касается лишь Миллисент Де Фрейн.

Она недолюбливала род человеческий, не говоря уж о чернокожих, и, похоже, заботилась лишь о том, чтобы я исполнял ее желания. Я был признан «годным» благодаря своему неизменному, летаргическому, оцепеневшему отчаянию. Она была женщина прямая и откровенно выразила удивление тем, что я не «пахну». Мне кажется, она огорчилась. Обладай я запахом, она бы могла быть со мной собраннее. Позднее Илайджа косвенно поправил ее, когда, лишь для вида поцеловав меня, сказал:

– Альберт, от вас пахнет, как от ночного мотылька, которого я однажды раздавил у себя на груди много лет тому назад в Небраске.

Поскольку меня весьма утомляет борьба за поддержание своей привычки, я с радостью проводил

время в компании таких престарелых особ, как Илайджа и Миллисент. Они давали мне отдых, а мне нужно было только слушать с притворным вниманием. Внимание мало-помалу пробудилось – и даже интерес. Разумеется, я записывал все, что они говорили мне. Да, заинтересовав меня, насколько это вообще кому-либо под силу, эти «нереальные» старик и старуха практически добились своего. Хотя обывательский мир решил бы, что они выходят за рамки приличий, я считал, что они устраивают меня почти на все сто.

– Я трудная, невыносимая женщина, – начала Миллисент тем удушливо-знойным июльским днем, когда мы сидели в ее квартире на Пятой авеню. Она не позволила установить кондиционер и держала окна закрытыми. Словно для того, чтобы усилить мой дискомфорт, она закутала шею мехами, которые изредка приподнимала, как бы почувствовав ледяной сквозняк.

– Я никогда не работала с человеком вашего цвета кожи, – начала она, рассматривая мой галстук. – Честно говоря, вы – не тот, кого бы я выбрала, будь у меня возможность выбирать. Но я в отчаянии. Все другие мемуаристы меня подвели. Они оказались жалкими обманщиками – все до единого. Я не говорю, будто рассчитываю на вас, заметьте. Ничего подобного. Но у меня будто рухнула надежда. Что-то в вас почти внушает оптимизм. Хоть и не до конца. Если не справитесь – не бойтесь. Вам щедро заплатят, точно вы и впрямь закончили мемуары... Теперь перейдем к вашим обязанностям. Я хочу, чтобы вы прежде всего слушали меня. Я перескажу вам всю его жизнь, а вы запишете событийную канву. Затем я отправлю вас шпионить за ним. Да-да, шпионить. Узнать, с кем он дружит, с кем встречается и как дела у ребенка, которого он называет Райским Птенчиком: его правнука... Это наше яблоко раздора. Я не хочу, чтобы он любил этого мальчика... Но первым делом вы должны ознакомиться с «Садами Арктура» – его танцевальной студией и театром... Я содержу его там больше тридцати лет, понимаете?

- Почаевничайте со мной, Миллисент заговорила брюзгливо-властным тоном, и неуклюжая костлявая шведка внесла блестящий чайный сервиз. У нас только с лимоном, пояснила Миллисент, когда Нора протянула мне очень тонкую, изящную чашку, украшенную незабудками.
- Полагаю, я единственная важная особа, которая сейчас не на берегу, она заглянула в огромный настенный календарь. Думаю, вы не боитесь скверного соседства, в противном случае скажите сразу, и я найму для вас телохранителя. Хорошо, значит, не боитесь. Я подняла вопрос о телесных увечьях, поскольку Траш живет в том районе острова Манхэттен в нижней части Десятой авеню, который, как я понимаю, во времена добрых профессиональных преступников назывался «Адской кухней». Сегодня можно было бы с полным правом переименовать так весь город, ведь среди живых нет никого, с кем стоит считаться.
- Теперь перейдем к стратегии! воскликнула она, приказав Норе налить мне еще чашку чая.

У меня на лбу выступили капли пота, и я почувствовал интерес, отвращение и удивление Норы, пока она подсыпала мне прелестного китайского черного чая.

– Разве нельзя вытереть ему лицо салфеткой? – сказала Миллисент служанке. – Он весь взмок в этот знойный день, хотя, как ты заметила по его лицу, он родом оттуда, где люди поклоняются солнцу. Что ж, все мы так или иначе страдаем от жары, этого нельзя отрицать, кем бы мы ни были... Теперь перейдем к вашей задаче. Вы говорите, что не боитесь головорезов, – замечательно. Тогда вы должны пойти в «Са-

ды Арктура», где расположена его студия. Возьмите это подложное письмо, хоть он и поймет, что это я написала или велела написать его. Здесь просьба о том, чтобы он сделал ваш портрет: наиболее хитроумный способ проникнуть в его студию. – Я положил письмо в нагрудный карман пиджака. – Он пишет портреты ради карманных денег, ведь в жаркие месяцы танцевальные концерты отменены, и даже зимой они приносят в час по чайной ложке. Теперь, Альберт... кстати, у вас есть фамилия?

- Пеггс, ответил я.
- «П», как в слове *поросенок?* Я кивнул.
- Что ж, Альберт Пеггс, вы пойдете туда и, разумеется, проведете с ним столько времени, сколько сможете выдержать. Как и в случае с жарой, это вопрос темперамента. Многие из тех, кого я туда посылала, не вынесли этого и смертельно заболели. Видите ли, его не назовешь рекламой здорового образа жизни: он не умывался больше двадцати пяти лет, поскольку считает, что от этого портится цвет лица. Но это ведь вас не беспокоит? Если беспокоит, так и скажите. Но предупреждаю: хотя там и не так хорошо проветрено, как здесь, студия ооочень интересна - она напоминает зоопарк и одновременно антикварную лавку, а это, так же, как жара, сказывается на сосудах. Он засыплет вас вопросами, поскольку поймет, что вы - от меня. Если не возражаете, я не хотела бы обсуждать себя. Когда он начнет поносить меня, просто улыбайтесь, никак не реагируйте или соглашайтесь... Где же то шотландское печенье, о котором я просила, Нора? - она повернулась к шведской служанке, готовой, как я догадался, вновь вытереть мне лоб. – Принеси, пока Альберт не ушел выполнять задание по подглядыванию, а заодно, милочка, приготовь ему пару отменных бутербродиков с курятиной, чтобы он мог как-нибудь перебиться до вечера.

– Теперь, мой дорогой Альберт, я буду откровенна с вами еще по одному вопросу. Ни в коем случае не вступайте с Мимом в слишком близкие отношения. Надеюсь, мое предостережение понятно. Я имею в виду, что вы не должны переходить на его сторону. Волынщику плачу я, и вам негоже поддерживать Мима или выслуживаться перед ним. Когда он чувствует вожделение (а это происходит почти все время, запомните), он становится гнусным, низменным шарлатаном. Но люди, которых я посылала прежде, влюблялись в него. Он – первостатейный гипнотизер, вне всякого сомнения, и в Старом Салеме его сожгли бы на костре. Он – чародей. Неся свой крест, я заботилась о нем, но за все свои труды была отвергнута. Как я уже вам говорила (говорила ли?), он до смерти ненавидит меня: однажды сказал, что мог бы съесть мои почки, зажаренные на каминной подставке для дров, ну и так далее. Но, понимаете, он думает обо мне постоянно, точнее, он одержим мною, и так как я люблю его с 1913 года, это единственная моя компенсация с его стороны.

– Сколько бутербродов ты положила, Нора? – воскликнула она, взяв у шведской служанки коробку для закусок из слоновой кости, и заглянула туда. – Ммм, этого ему должно хватить. Вы страшный обжора, Альберт? Признайтесь, если у вас вместительный желудок, никакой крамолы в этом нет. Я не допущу, чтобы вы мучились от голода... Значит, ступайте в «Сады Арктура», Адскую кухню или куда угодно и приходите сюда завтра пораньше – в девять утра: мы вплотную займемся нашими трудами и хрониками.

– И последнее предостережение, – она встала с большим трудом, не пожелав взять меня за руку и опершись на трость, чей блеснувший набалдашник был, видимо, инкрустирован драгоценностями. – Берегитесь пианиста.

Я кивнул в знак согласия, но это рассердило ее.

– Никогда не притворяйтесь, будто знаете то, чего не знаете, Альберт Пеггс, – отчитала она меня. – Вы не знаете его. Он невероятно порочен и неимоверно обаятелен. Мне он всегда казался похожим на карусельных пупсиков – такой же выхоленный и чистенький, но в сущности – отвратительная тварь. Он бесстыдно предан Миму и вечно пытается помешать мне с ним общаться.

Внезапно она судорожно схватила меня за руку и до боли стиснула ее, сунув, как мне показалось, чтото в ладонь, а затем сильной мужской хваткой сложила ее в кулак.

На улице я обнаружил, что, вдобавок к подложному письму в кармане пиджака и отменным бутербродам с курятиной в левой руке, я держу не менее двухсот долларов в правой, которую только что раскрыл. Я остановился и заморгал от яркого солнечного света: дело в том, что, покидая ее квартиру, я поклялся никогда не возвращаться и, разумеется, не приближаться к «Садам Арктура», Адской кухне (которой, как я полагал, и вовсе не существует) и ни в коем случае не видеться с Илайджей Трашем, некогда «самым красивым мужчиной на свете». Но можно ли устоять перед суммой в двести долларов, если ты цвета спелого баклажана и потеешь намного сильнее белых особей?

Я решил, невзирая на жару, отправиться прямиком к нему студию.

В конце концов, я добрался до входа в Сады, взял себя в руки, завязал галстук (хоть он и намок от пота после долгой прогулки с городских окраин и напоминал поникший мак), уверенно поднял подбородок на нужную высоту, не выражая, впрочем, нынешнего злобного высокомерия моего народа, и позвонил. Звякнуло что-то вроде колокольчиков дромадеров. Задвигались множество засовов и замков, распахнулась

огромная зеленая дверь, и я увидел пианиста со скрещенными на груди руками – Юджина Белами, о котором предупреждала меня Миллисент. Он словно бросал мне вызов: только попробуй заговорить, – и даже двойной вызов: только попробуй войти. Несмотря на стремление казаться грозным, он больше напоминал не настоящего сторожевого пса, а игрушечного жениха с итальянского свадебного торта, и, как я понял позже, изгибая губы луком Амура, он подражал Миму – своему господину, но, в отличие от него, не подкрашивал их губной помадой «Дорин».

- Я предъявитель сего рекомендательного письма мистеру Илайдже Трашу, знаменитому Миму и портретисту, начал я.
- Довожу до вашего сведения, что вечерние концерты в студии уже прекращены, сказал нараспев Белами и хотел закрыть дверь, но мысль о внезапной утрате грядущих стодолларовых выплат не только придала мне наглости, в которой я здесь нуждался, но и позволила тотчас прошагать в комнату.
- Простите за такую развязность, я повысил голос, взглянув на него в упор и выпятив грудь, которая, несмотря на мой преклонный возраст (мне двадцать девять), все еще пугает большинство белых, а мои бицепсы даже сравнивали в лучшие времена с бильярдными шарами. В общем, я, конечно, развалина во всех смыслах, но пока еще обладаю безупречным африканским телосложением. Вдобавок, то, что я должен сказать Миму, не терпит отлагательства.
- Как вам взбрело в голову, (думаю, он собирался сказать *тупую*, но передумал), с какой стати вы решили назвать мистера Траша «Мимом»?..
- Я не стану докладывать о своем деле посреднику и требую немедленно усадить меня и объявить о моем приходе, сообщил я пианисту.
- Хорошо сказано и прекрасно произнесено! глуховатый голос отдался эхом в комнате, куда я ворвал-

ся без приглашения. Бисерные шторы раздвинулись, и вошел человек, которого я вначале ошибочно принял за один из аксессуаров или принадлежностей своей тайной жизни. Я никогда не бледнею, но мое лицо иногда становится нездорового землистого цвета, и человек, стоявший передо мной (это был, разумеется, Илайджа Траш), видя, как изменилось мое самочувствие, тотчас велел пианисту принести пальмовый веер и, сев рядом со мной на небольшой самодельный табурет, тем же низким голосом продолжил:

- Зовите меня мимом, если хотите, ведь за все годы своей художественной деятельности я никогда не видел такой первобытно-царственной наружности, как у вас... Дорогой Белами, будь так любезен, уйди в декламаторскую, обратился он к пианисту, который слегка ухмыльнулся, но не взглянул на меня и вышел.
- Скажите на милость, что привело вас сюда сейчас, когда, как вы слышали, вечерние концерты прекращены...
- Я приехал издалека... из Алабамы, сказал я, запинаясь.
- Вы из такой же Алабамы, как и я, возразил Илайджа Траш. Вникните в суть моих слов, он постучал меня по колену после моих бурных возражений. Вы посланы судьбой. Вы должны были познакомиться со мной, а я с вами. Тысячи лет назад мы с вами были уже знакомы. И через много лет после того, как мы сбросим плоть и кровь этого недостойного существования, под гнетом которого томимся теперь, мы с вами познакомимся снова. Едва услышав ваш голос, я мгновенно понял, что вы новый человек в моей жизни.

Теперь я смотрел на его лицо с меньшим головокружением, хотя мне чудилось, будто звуки произносит не человек, а картина. Казалось, нет ни черепа, ни самой кожи, а слова изрекает какая-то плавучая

T5

слипшаяся масса из туши для ресниц, румян, зеленой краски для волос, черных зубов и шевелюры, похожей на комок перьев в брошенном вороньем гнезде.

- И впрямь из Алабамы, продолжал он обмахивать мне лицо. Вы, разумеется, пришли по объявлению, которое я поместил в газете, прошептал он, а затем поднялся и встал у большого концертного фортепьяно.
- Я пришел, начал я, перейдя на его язык уже сейчас, хотя должен был сделать это позже, я пришел просто познакомиться с вами, мистер Траш.
- Илайджа, поправил он, и теперь, когда он стоял, я заметил, что тело его выглядит реальнее, чем лицо, несмотря на то, что на Миме был роскошный эксцентричный костюм, который, подобно лицу, казался просто нарисованным.
- Все, что вы говорите, западает мне прямо в душу, пробормотал Илайджа Траш и начал едва заметно сучить ногами, после чего я понял, что он и впрямь танцор.

Наконец встав, я протянул ему письмо от Миллисент Де Фрейн и сказал лишь:

- Это моя рекомендация.

Подобно внезапной перемене погоды в открытом поле, когда неожиданно налетевшая туча почти мгновенно закрывает солнце и на неподготовленного странника обрушивается дождь с градом, его лицо вмиг исказили глубокие морщины, которые придали ему больше сходства с плотью, но наверняка испугали бы любого, кроме меня, и, завопив так, словно я пронзил его ножом, он воскликнул:

– Проклятый наемный обманщик! Ты пришел от той подлой мерзавки! Не оправдывайся. Вставай и убирайся. Слышишь? Убирайся! И навсегда исчезни из моей жизни!

Бисерные шторы раздвинулись, и из-за них вышел пианист, правда, на сей раз, скорее, испуган-

ный, нежели властный, а Илайджа принялся рвать рекомендательное письмо от Миллисент Де Фрейн:

– Уходи сейчас же, смазливый наемник, или я вызову полицию.

Но я, вытолкнув из комнаты пианиста, подошел к Илайдже Трашу, забрал у него последние клочки бумаги, вручил их ему обратно (во всяком случае, бо́льшую часть) и спокойно сказал:

- Я пришел, чтобы остаться, Илайджа. Какая разница, кто нас познакомил? Мы встретились, и я к вашим услугам. Приказывайте мне что угодно, но только не уйти из вашей жизни.
- Ради всего святого, ты настоящий? воскликнул он и расплакался, хоть я и предположил тогда (но теперь так не думаю), что он ломает комедию.
- Взгляни на меня, сказал он, и объясни, что ты настоящий. Успокой меня.

Белые предлагали мне свою страсть и раньше, но ни один из них никогда не предлагал мне иллюзию наряду со сновидческой учтивостью и заботой на фоне комедиантства, излившегося на меня теперь. На миг мне показалось, что я откажусь от своей дорогостоящей привычки, которая и привела меня в мир Илайджи Траша и Миллисент Де Фрейн, и стану лишь его, ну и, пожалуй, ее пленником. Но на сколько хватит этой белой доброты даже столь зыбкого свойства? Не сменится ли она, как всегда, обманом, изменой и порабощением?

– Ты понимаешь, что это значит, когда кто-то каждую минуту плетет против тебя интриги? – Илайджа рассказывал о «растленной» Миллисент Де Фрейн. – Взгляни на те часы. Пока я показываю, ты слышал, как они тикнули сорок два раза, и за эти сорок два удара она придумала сорок два способа поставить меня на колени.

Во мне ли дело, в моей ли прошлой жизни, расе или в чем-то еще, но все, что он сказал, я счел

17

правдоподобным, и как только глаза мои привыкли к его виду, он показался мне, – да, я думаю, с этого и началось мое безумие, – я нашел его красивым. Я не отверг его ласки, и он все время продолжал обмахивать меня пальмовым веером. Это было чудесное ощущение. Изредка я мельком замечал перекошенное лицо пианиста, когда он подглядывал за нами из-за бисерной шторы.

- Не обращай внимания на Юджина Белами. Он безобиден. Шипит по-кошачьи, но, как добрый полосатый кот, вскоре вновь начинает мурлыкать... Повысив тон, он пробрюзжал: Юджин, ты должен разучивать «Корнуолльскую рапсодию»^{*}. Я никогда не слышал столь дрянного исполнения, как в прошлый раз, а у меня уже десять пианистов ее загубили. Я хочу совершенства, черт возьми, а получаю уныло-сопливое телячье исполнение à la Белами.
- Если ты приехал из глубинки, стало быть, Алабама весьма благодатный штат, Илайджа Траш вновь заговорил своим обычным тоном, и поскольку он теперь обмахивал меня очень близко, из внутренних закутков моей одежды поднялось большое коричневое перо, похожее на живое существо: Мим без труда поймал его, а затем отложил веер.
- Из какого уголка земли оно прилетело? воскликнул он с суеверным благоговением. Белами! Позвал в испуге, а затем пристально взглянул на меня, но решил, что лучше обратиться за помощью к пианисту. Тем временем меня охватила дрожь. Он не отрываясь смотрел на меня своими безумными индейскими зрачками. Что означает это перо? Спросил он. Это ты принес его сюда, и если да, то с какой целью?.. Ты понимаешь, о чем я?
- В Алабаме даже непривычное становится привычным, произнес я, и при этом у меня пересохло

в горле, точь-в-точь как в тот раз, когда меня держали в полиции под слепящей лампочкой.

Илайджа Траш разразился очаровательным смехом – таким, как мне кажется, рассмеялся бы Купидон.

– Невозможно сердиться на такого милашку, как ты... Но одному Богу известно, что ты затеваешь... Я никогда не прощал никого столько раз, сколько простил тебя, а мы ведь знакомы всего пару минут. Ты приходишь от женщины, изо всех сил стремившейся меня уничтожить, оскорбляешь моего пианиста и врываешься ко мне без объявления. Ты ничем не показываешь, что знаешь о моей гениальности или хотя бы кто я такой, даешь мне подложное письмо, а затем, когда я обмахиваю тебя, точно раб, из твоей роскошной клетки красного дерева выпадает перо хищной птицы!

Несмотря на его сомнительный юмористический слог, при этих последних словах я вновь разволновался, на губах у меня выступило нечто вроде пены, и под его свирепым пристальным взглядом я начал извиваться на стуле. Затем я позволил ему и Белами отвести меня в другую комнату, где они сняли с меня одежду и стали прикладывать большие компрессы из лещины, но как только я оголился, обоих ошеломил, по словам Илайджи, вид драгоценностей, которые я носил на своем нагом теле. На мне и впрямь было несколько браслетов возле бицепса, три ожерелья и огромный защитный камень в пупке, однако, живя среди людей, считавших эти украшения «обыденными», я забыл, какую радость доставляют они непосвященным, даже столь необычным, как Илайджа и, возможно, даже Белами. Драгоценности убедили Илайджу, что я, без малейшего сомнения, самый удивительный взрослый самец любого цвета, которого он встречал.

– Я не говорю: человек вообще, поскольку есть еще Райский Птенчик...

^{*} Мини-концерт для фортепьяно английского композитора Хьюберта Бата (1883–1945).

- Зря вы употребили это выражение! воскликнул я, и меня вновь охватил какой-то неистовый гнев, а губы опять взмылились.
- Прошу прощения, сказал он не мне, а Белами, словно именно Белами говорил с ним столь непочтительно.
- Я не потерплю подобных намеков, произнес я. Дабы утолить свой гнев, я взял его белую руку и погладил ею себя по шеке.
- Ты переволновался, бедняжка, улыбнулся он. Господи, как я люблю темпераментность, хотя и окружен бесхребетными существами! Но пойми, Райский Птенчик мой правнук и наивысшая эмоциональная привязанность на моем жизненном пути. Его назвала Птенчиком...

Тут я начал корчиться, точно от невыносимой боли, но Илайджа продолжал:

— ...так назвала его цветная служанка и нянька. Изза моей любви к мальчику мне практически запрещают с ним видеться. За ним присматривает бесчестная, мерзкая опекунша — сама Миллисент Де Фрейн. Да будут прокляты эти светские дуэньи, разлучающие добропорядочных людей! — прокричал он и начал шагать по комнате, стуча себя в грудь, поправляя болтающуюся серьгу и тяжело дыша, будто выбившийся из сил пловец.

Внезапно повернувшись ко мне, он воскликнул:

– Я не позволю тебе понукать мною, хоть я и поражен твоей совершенно неотразимой индивидуальностью... И кроме того, заруби себе на носу: ты должен бросить эту гарпию, слышишь?.. А еще я хочу объяснений по поводу этого пера, – закричал он в неистовой ярости, забыв, однако, что ярость его бела. Схватив его протянутую белую руку, я снова и снова кусал ее, а пронзительные вопли отдавались эхом по всем дому. Затем он рухнул на меня, и мы лежали так, затихая и успокаивая друг друга.

Через несколько часов, когда он тепло обнял меня на прощанье, я заставил его пообещать, что он не будет вынуждать меня бросить Миллисент Де Фрейн.

- Ты никогда не узнаешь, Альберт, скольких уступок добился от меня за один день нашей чудесной дружбы. Исключительно ради тебя я изменил самому себе. Ты нанялся шпионом к моему заклятому врагу, а я с этим смирился. Ты запрещаешь мне употреблять единственное имя, которым я всегда называл своего правнука, и, похоже, с этим я тоже соглашаюсь.
- Я заткну уши, а вы произнесете его имя, решил я ему угодить. Но как только он сказал *Райский Птенчик*, даже с закрытыми ушами я вздрогнул и затрясся, и на всем моем теле цвета «спелого баклажана» выступили бисерины пота.

Возможно, из-за того, что я старел, хоть и казался с виду молодым благодаря крепким жилам и здоровой коже, мне понадобилось общество дряхлых Илайджи и Миллисент. При них я чувствовал себя юным отпрыском. Однако мне нужно было – и я добился у них этого с величайшим трудом – по несколько раз в неделю тратить несколько часов на то, чтобы садиться на стейтен-айлендский паром, плыть в зоопарк и там терпеливо улаживать в одном здании некое дело.

Я не знаю, кто больше обижался на эти отлучки – Миллисент или Илайджа. Возможно, это раздражало их ничуть не меньше, чем если бы я уезжал в Камерун.

– Ты не имеешь права уезжать так далеко! – оба употребляли одно и то же выражение, ведь, как я узнал позже, они часто пользовались одинаковыми любимыми фразами, словами и оборотами. В конце концов, они слишком долго были врагами: в этой жизни большинство людей не владеет столько времени одним и тем же телом.

– Если ты считаешь его замечательным уже сейчас, дождись, пока пойдет снег! – сказала Миллисент, выслушав мой рассказ о своем визите. – Когда в «Садах Арктура» откроется зимний концертный сезон, ты увидишь, – начала она, но вдруг рассмеялась, и ее смех на миг показался мне шумом из-за какого-то механического повреждения в квартире, поскольку звучал он совершенно нечеловечески. – Пока не увидишь, как он танцует, ты ничего о нем не узнаешь. Он становится самим собой, лишь когда поднимается шафрановый занавес, и он выступает в роли Адониса, Пьеро или Нарцисса... Разумеется, за все это плачу́я, ты же понимаешь.

- Он утверждает, что вы не даете ему ни гроша.

Она расправила складки кожаной сумочки, а затем осторожно открыла ее. Внутри лежал вышитый золотым бисером кошелек с блестящей застежкой. Когда она раскрыла его, послышался звук, похожий на пистолетный выстрел. Миллисент выудила оттуда огромное перо.

– Наверное, ты уронил это с себя вчера перед уходом, – сказала она отстраненным голосом, подобным эху над водой. – Изволь подойти и забрать его, ведь я уверена, оно тебе понадобится, моя лапушка.

Очевидно, я был не в силах встать со стула, чтобы подойти и взять протянутое перо – так долго оставался я неподвижным. Наконец она с величайшим трудом поднялась и приблизилась ко мне. Заложила перо мне за ухо, ведь оно было огромное, а затем, почти таким же движением, как Илайджа Траш, достала широкий переливчатый носовой платок и вытерла мне с верхней губы влагу.

Все лето я следовал за Илайджей Трашем в его ночных и дневных блужданиях: по заброшенным складам и прочим пустым зданиям близ мрачной и жутковатой Уэст-стрит с гниющими отбросами и

умирающими изгоями в джутовых башмаках – а вдалеке зеленел фасад входа на старый пирс. Илайджа появлялся там время от времени, чтобы найти нового ученика (и это ему нередко удавалось), продать парочку своих старых акварелей или всего-навсего проверить свои представления о внешнем мире. Однако Уэст-стрит с ее тунеядцами и наркоманами, ресторанами для чернокожих и воспоминаниями о больших пароходах, отплывающих в Европу, была такой же нелогичной и невероятной, как и «Сады Арктура». И когда Илайджа наконец появился здесь в своем длинном шафрановом одеянии, с волосами до плеч и дребезжащими украшениями, лишь немногие обитатели проводили его удивленными взглядами. Тем не менее, он знал, что я шпионю за ним, и позднее мне приходилось часами выслушивать его упреки, ожесточенную брань, ядовитые насмешки и оскорбления. После чего я должен был позировать ему в чем мать родила – обычай, которому я вначале решительно сопротивлялся из-за определенной связи между моей наготой и моей привычкой, невзирая на защитный корсаж с драгоценностями, однако Илайджа так и не принял отказ. Впрочем, он рассматривал мое тело, словно под увеличительным стеклом, и всегда поражался не только моему фантастическому «развитию», но и странным желтым пятнам, в появлении которых я винил солнце.

Одним томительным днем, когда воздух нависал так тяжело, что казалось, будто плаваешь в мешке с затхлой водой, я проследовал за Мимом на опасно близком расстоянии (я не знал тогда и не знаю до сих пор, видел ли он, что я его преследую) к огромному гранитному зданию с осыпающейся золоченой табличкой:

ПИЩЕВОЙ ФОНД ДОМ ДЛЯ ОТВЕРЖЕННЫХ Здесь перед зарешеченным окном Мим внезапно остановился, а затем, воровато оглядевшись, словно карманник, высматривающий, не следит ли кто за ним, раскрыл сумочку и вынул зеркальце, пару баночек с косметикой и большой сломанный роговой гребень. Он подвел брови, ресницы и бачки тушью, подкрасил губы, особенно — верхнюю, и подрумянил щеки, а затем небрежно расчесал свои черные волосы гребнем. Потом он расслабил лицевые мышцы, дабы предстать в лучшем виде, и, спрятав ридикюль, властно хлопнул в ладоши.

Пожилая сгорбленная женщина в светло-вишневом парике вышла из боковой двери, которую я не заметил прежде, и Илайджа передал ей несколько банкнот, даже не взглянув на нее, не говоря уж о том, чтобы обменяться хоть парой слов. Едва старуха вернулась в дом, послышался скрежет, зарешеченное окно, перед которым стоял Илайджа, открылось, и появился юноша с ниспадающими черными как смоль кудрями, неотвязным взглядом безумных индейских глаз и ярко-алыми губами: черты мальчика отличались поразительным фамильным сходством с чертами Илайджи Траша.

Затем прозвучало обращение, какого я ни разу не слышал из человеческих уст. (В самом деле, меня так утомило это проявление «безысходной любви», что пришлось даже прислониться к стенке.)

– Дорогой Райский Птенчик, – начал он, – ты для меня реальнее жизни или сна, – на краткий миг мне показалось, будто Мим поет, – но тебя держат в клетке, а я люблю тебя на расстоянии. Одного лишь меня на всем белом свете тревожат малейшие твои неудобства. Да, моя прелесть, – он приостановился: видимо, в левый глаз ему попало немного макияжа, который пришлось убрать. – Нас держат порознь, как опасных преступников... Ты слышишь меня, Птенчик? Они снова говорили обо мне дурно, очерняя и пят-

ная перед тобой мое имя? Как будто Пастырь способен обмануть Агнца из своего же Стада!

Теперь мальчик высунулся, насколько мог, сквозь решетку и начал чмокать: звуки сильно напоминали воркование спаривающихся птиц.

- Если б ты только знал, как радостно мне слышать твою ответную песнь после стольких дней разлуки, Птенчик! Илайджа придвинулся как можно ближе к решетке, и в эту минуту мальчик простер ладонь к вытянутой руке Мима.
- Ты любишь меня, мое самое дорогое существо? вскрикнул Илайджа, но тут же выронил ладонь мальчика в невероятном волнении, ибо заметил перемену освещения в комнате Птенчика, и чья-то тяжелая тень придвинулась ближе к окну.
- Скажи, дитя мое, пока у нас осталось еще несколько кратких секунд, любишь ли ты меня?

Тогда Птенчик чмокнул два раза подряд (позже я узнал, что это означало ∂a), но в ту же минуту большая тень, приблизившаяся к мальчику, увеличилась, заслонив все окно, и раздался резкий, громкий, протяжный грохот, с которым закрылась деревянная ставня, разлучившая влюбленных.

Илайджа упал на колени перед зарешеченным окном, напоминая испанского кавалера минувших времен, поющего серенаду своей возлюбленной, – только без гитары.

Я слишком увлекся этой сценой безысходной любви и, позабыв, что я – платный шпион, подошел к Илайдже и помог ему встать с тротуара.

Он тоже забыл, что я не должен был здесь находиться и что мое присутствие означало измену: он сердечно поздоровался со мной и прижал меня к себе, а мои слезы, смешавшись с каплями пота, потекли тоненькими ручейками по моим щекам.

– Ты узнал о единственной великой любви всей моей жизни, Альберт, – сказал он, как только мы отошли

от «тюрьмы», – и ирония этой ситуации, ну и разумеется, всей моей жизни в том, что я не могу выразить свою любовь, а вынужден стоять здесь перед зарешеченным окном, подобно отщепенцу, валяясь в грязи. Я знаю, что они дурно обращаются с ребенком, ведь он с каждым днем все бледнее.

– Он немой, Альберт, – продолжил Мим, затем остановился и посмотрел мне прямо в глаза. – Мой любимый правнук не может произнести ни единого слова. Но он знает и понимает все, что я говорю ему. Он смышленый ребенок и чувствует, что я люблю его всем сердцем.

Повернувшись затем к окну, он погрозил крепко сжатым мускулистым кулаком табличке с надписью:

ПИЩЕВОЙ ФОНД

– Они давным-давно объявили меня вне закона. Разумеется, я имею в виду власти, Альберт, – Мим пытался говорить спокойно. – Мне запретили воспитывать мальчика на том основании, что любой великий художник – прокаженный, и, стало быть, мое общество не годится для моей же кровинушки. Вот в какой стране мы с тобой живем, Альберт, – в филистерской империи критиков, толстосумов и ненавистников человеческих чувств.

Но пока Илайджа говорил мне на прощание, что поделился со мной великой тайной своей жизни – Птенчиком, я замечтался и глубоко задумался над тем, как совладать со своей личной бедой. А когда очнулся, он уже ушел и вернулся в студию – к «холодной власти разума». Узнав о запрете общаться с правнуком, который наложили на него из нравственных побуждений, я отчасти согласился с Мимом, что мы оба связаны каким-то «поистине мистическим образом» и голая канва нашей жизни довольно сходна.

Внезапно я возвратился к собственному унижению благодаря белому человеку, резко отличавшему-

ся от Илайджи Траша, ведь какими бы слабостями ни обладал Мим и как бы ни был глубок его главный предрассудок, он принимал меня таким, каков я есть, и считал, что я обязан любить его всем сердцем, не поощряя при этом никаких отговорок, как например: цвет кожи, предшествующая биография или положение. В то же время свои отношения с Тедом Мауфрицем, либеральным радикалом в отставке, я до сих пор не могу для себя ничем оправдать. Этот белый джентльмен из богатой семьи банкиров имел привычку укладывать меня на бархатную кушетку, защищенную от пятен козлиной шкурой и пластиковым чехлом. Затем он вскрывал одну из лучших моих вен и выпивал большое количество моей крови, надеясь, - по его словам, только лишь надеясь, - что «достоин» благородной расы, чьим отпрыском я являюсь.

– Вспомни меня, когда вы получите власть и славу этого мира, – восклицал он, опьяненный моим физическим совершенством.

Возможно, потеря крови не вредила моему здоровью, и, наверное, я бы продолжил общение с «недостойным» Тедом Мауфрицем, позволяя ему приближаться к восходящей звезде моей расы, если бы однажды вечером, когда я по заведенному обычаю разделся, чтобы он мог вскрыть одну из моих вен, он случайно не обнаружил еще одно большое перо, прилипшее к моей отчаянно вспотевшей груди.

Теда Мауфрица охватил такой жуткий приступ ярости, что он не смог выпить даже пол-унции моей крови, хоть я лежал перед ним и истекал ею, ведь он уже успел вскрыть вену.

Впрочем, он расстался со мной как друг, однако на пике своего гнева довольно неразумно назвал меня ямайцем. Но я все же пожал ему руку, после того как оделся.

Я снимал «нумера» близ Тринити-Черч, в районе Уолл-стрит на острове Манхэттен, но вскоре после

того, как меня разжаловал Тед Мауфриц и я остался без гроша в кармане, меня ждал еще один страшный сюрприз: Джаддсон, надзиравший за моими личными комнатами, сообщил мне о вышедшем новом постановлении, согласно которому те, кто занимали сейчас особые помещения, больше не могли пользоваться ими для сна или приготовления пищи. Излишне говорить, что я поселился в «нумерах» из-за своей привычки, но всегда ночевал там же на полу. И вот отныне с наступлением темноты мне пришлось бы превращаться в обычного бродягу, которому негде преклонить утомленную голову.

Я отругал белого Джаддсона и вышел. Еще пару лет назад он мог бы уязвить меня бранным словом, но теперь, благодаря победам моих собратьев, ему оставалось лишь закусить свои бледные губы и отпустить меня.

Именно тогда я решил стать шпионом Миллисент. В первые недели слежки за Илайджей мне было негде спать, но я не желал сообщать об отсутствии крова ни ей, ни Миму.

Однако беда моя в это время заключалась не в отсутствии места для ночлега, а в новом недуге, который так же трудно описать, как и мою привычку. Я не просто подпал под обаяние Илайджи Траша – я по уши в него влюбился.

– Разумеется, я это предвидела, – объяснила мне Миллисент одним августовским утром. (Она встала около пяти утра и внимательно обозревала небо – ее единственное истинное удовольствие.) – Все заканчивается тем, что шпион либо влюбляется в Илайджу, либо оставляет свой пост...

Внезапно разбогатев благодаря случайному знакомству с Миллисент Де Фрейн, я купил шелковый костюм и зарегистрировался в отеле «Райские кущи Божественного Отца», где моя «царственная» наружность позволила мне снять один из лучших спальных номеров с видом на реку и получить место в столовой совсем рядом с тем столиком, за которым Божественный Отец обедал при жизни и куда его призрак регулярно наведывается даже сейчас. Миллисент Де Фрейн также было сподручнее оставлять для меня сообщения в столь респектабельном заведении.

Даже не знаю, пошла ли с тех пор моя жизнь в гору или же под уклон. В спокойные часы мне кажется, что, не стань я восторженным шпионом Миллисент Де Фрейн и поклонником духовного мира Илайджи Траша, возможно, я отказался бы от своей расточительной привычки и стал бы рядовым чернокожим, пытающимся прокормиться, но, как сказал Илайджа, есть ведь еще и судьба. А судьбой мне, безусловно, было предначертано, во-первых, приобрести мою претенциозную привычку, ибо я считаю ее единственной в своем роде, и во-вторых (что вытекает из первого), очутиться в упоительном обществе сих недюжинных людей – Миллисент и Илайджи.

Вскоре я обнаружил, что Миллисент меня обманывает. Одним августовским полуднем она сказала, что я могу пару дней отдохнуть и в это время мне не нужно заходить к Миму. Я сразу понял, что это приказ. Когда она передавала мне чашку чая, рука у нее дрожала. Миллисент прикрывала вены на шее мехами, поднимая их все выше. Она ни разу не посмотрела мне в глаза.

- Вы любезнейшая из дам, сказал я.
- Ты вовсе так не думаешь.
- Миллисент, Миллисент, я повел себя крайне дерзко, назвав ее по имени белому имени.

Она положила правую руку, унизанную несколькими перстнями, на переносицу своего огромного орлиного носа, и так как нос этот был теперь накрыт, я впервые понял, что он напоминает. Мне почти тотчас

стало дурно, и я с грохотом поставил хрупкую чайную чашку на стол.

- Ты должен простить меня, она убрала руку, но я не мог поднять на нее взгляд.
- Тебе знакома безысходная любовь, Альберт Пеггс?
- Да, во всех видах, всхлипнул я. Все виды безысходности.
- Удивительно, да, просто удивительно, она принялась меня успокаивать. Сядь сюда, мой дорогой, на табуреточку.

Я отпил еще чуть-чуть чаю и затем выполнил ее просьбу.

- Ты должен уехать на пару дней. Тебе нужен отдых.

Я судорожно затрясся. Услышал звук какой-то возни, а затем почувствовал, как мою левую ладонь подняли и что-то грубо нанизали на указательный палец. Я открыл глаза и увидел, что она надела на него один из своих перстней с жемчугом.

- Не говори того, что готов сказать. Если привратник заметит у тебя на пальце перстень и остановит тебя, непременно скажи, чтоб он позвонил мне. Этот перстень твой, Альберт, при условии, если ты скроешься на пару дней... Так что за безысходная любовь у тебя была? спросила она.
- Я восхищался одной особой, сказал я.
- Какого цвета?
- Белого, ответил я.
- Судьба стирает нас в порошок, произнесла она. Не мог бы ты вытереть лицо, Альберт?

Остаток дня я просидел за своим столиком в столовой «Райских кущей Божественного Отца», любуясь подаренным ею перстнем. Я никогда не чувствовал себя таким сильным и в то же время таким больным. Наверное, мне казалось, будто я умираю, набираясь при этом сил. Порой мне мерещилось, что я уже умер и попал в рай для белых, что Илайджа и Мил-

лисент – Бог и Богиня, стерегущие сад, а я – Сын их Единородный. Но при этом я понимал, что подлинная моя судьба ютится в съемных «нумерах».

Я встал у пожарного выхода из «Садов Арктура» Илайджи Траша. Я предчувствовал, что Миллисент придет днем, ведь в шесть вечера она ела копченую скумбрию с каперсами, затем ее клонило в сон, и она уже не могла выйти на улицу, по-настоящему бодрствуя лишь пару дневных часов.

Она пришла в полдень, пока я жарился на солнцепеке. Наверное, они знали, что я стою снаружи, и именно поэтому оба подошли ближе, чтобы я мог их слышать. Мои неудобства были вознаграждены сторицею.

- Сколько бы я ни менял замок, чтобы ты не вошла, тебе всегда удается раздобыть подходящий ключ и войти, точно воровка моего времени и совершенства, каковою ты и являешься, донесся до меня голос Илайджи. Сидя за фортепьяно, он сыграл пару нот, и я понял, что обращается он к Миллисент: Ты еще больше постарела с тех пор, как вломилась сюда месяц назад!
- А ты не меняешься, Илайджа, словно сквозь паутину, послышался голос Миллисент. Восхитительный, как никогда.
- Прекрати эти нелепые нежности.
- Когда мы поженимся?
- Когда в аду замерзнут старейшие «лучшие жильцы». Я услышал, как кто-то осыпал кого-то десятками поцелуев, и Мим слабо вскрикнул с недовольством и отвращением...
- Ужасно, когда ты запускаешь когти в тех из нас, у кого есть оружие для сопротивления, вновь заговорил Илайджа, но когда ты выбираешь своей жертвой бедного паренька другой расы, не способного отбиваться...

- Бедный паренек? Ну и ну... Да он зрелый двадцатидевятилетний мужчина и силен, как пара ломовых лошадей.
- Но на вид сущий младенец. По-моему, у него и борода-то еще не растет!
- Что ж, если хочешь знать, на нем достаточно перьев хватит, чтобы возместить гладкость щек!
- Чуть не забыл об этих чертовых перьях, внезапно воскликнул Илайджа. Что, по-твоему, они означают? Теперь он заговорил непринужденным тоном, словно запамятовав, что беседует с заклятым врагом.
- Наверное, в нем все же течет каннибальская кровь, ты так не считаешь? Миллисент сменила тему, а затем, после паузы: Знаешь, все, что я говорю, его обижает. Я боготворю его, но не могу признаться ему в любви. У него кожа цвета наилучшего красного дерева, а глаза разбивают мне сердце они миндалевидные, ты же знаешь. Я часами плачу после его ухода, ведь его физическое совершенство по-прежнему остается в комнате в шторах и мебели, на которой он сидел...
- Ты старая маразматичка! заорал Илайджа. С чего ты взяла, что Альберт удостоит такую престарелую каргу, как ты, хотя бы одним мизинцем на ноге!

Миллисент рассмеялась:

- Если бы возраст был для него помехой, он не питал бы такой слабости к тебе, дорогой. Ты разве не знал? Он влюблен в тебя до такой степени, что принимает тебя за белого бога, ну и так далее. Стоит лишь упомянуть твое имя, и глаза у него подергиваются пеленой... Но ради денег он тебя предаст разоблачит, как только ты переборщишь с ним.
- Ты прочла в этой студии свою последнюю речь, старая недотепа! закричал Илайджа, охрипнув от гнева. Белами, позвал он пианиста, войди сюда и выставь эту болтливую сороку за дверь!

Я опьянел от их препирательств. После того, как они расхвалили мое тело, душу, известные и неизвестные достоинства, я уже не мог сдержаться. Сняв с себя все, что на мне было, я пролез в окно пожарного выхода и, держа одежду в левой руке, вошел, дабы предложить им свою любовь.

Они не обратили на меня ни малейшего внимания. Я медленно начал понимать, что их ссору, тянувшуюся еще с 1913 года, не может прервать какойто голый негр.

- Надень халат, Альберт, а не то подхватишь простуду, как пить дать, Миллисент нашла время, чтобы обратиться ко мне, пока Белами помогал ей надеть шляпу и с ее позволения вытер кривую полоску помады возле рта, появившуюся, как я узнал позднее, оттого что Мим ударил ее по губам.
- Будь с ним любезен ровно настолько, насколько это необходимо, дитя мое! предупредила меня Миллисент, и дверь за ней захлопнулась.

Я сразу повернулся к Илайдже, ожидая от него новых похвал и новых слов любви.

Но он даже не взглянул на меня. Сидя за фортепьяно, Мим играл отрывок из Готтшалька^{*}, а всякий раз, когда я пытался привлечь его внимание, отворачивался.

Я занимался этим не из-за денег, поскольку не знаю, как заниматься чем-либо ради них, но деньги все же появлялись, причем регулярно и в избытке.

- Мы будем делать это вот так, под сурдинку, вечно приговаривала Миллисент, засовывая хрустящие стодолларовые банкноты мне в ладонь и всегда поражаясь, что она влажная от напряжения. Тебя чтото беспокоит, дорогой, добавляла она. Алабама?
- * Луи Моро Готтшальк (1829—1869) американский композитор и пианист.

Илайджа тоже меня отчитывал:

– Ты не можешь полностью сосредоточиться на том, что я тебе говорю, и на величайшем значении моей личности, Альберт... Правда, ты сколачиваешь на мне состояние, но, сидя на этом стуле «бове», прекрасно сознаешь, что принадлежишь мне душой и телом... И, тем не менее, есть кое-кто еще! Я знал это с самого начала... Ну вот, ты опять омерзительно распускаешь слюни. Когда ты так делаешь, то становишься действительно гадким... Ах, Альберт, почему ты не можешь быть верным мне до конца, стать со мной единым целым?

Он заслонял себе лицо длинными красноватыми пальцами со слегка грязными ногтями.

- Илайджа сказал мне, что есть кое-то еще, теперь Миллисент тоже подняла эту тему. Она казалась более обеспокоенной, чем он. На ногах у нее были розовые туфли с громадными золотыми пряжками, и из-за приступа ревматизма она сильно выдвигала голову вперед, так что возникало впечатление, будто она разговаривает с низеньким «немым официантом». Сегодня он был очень груб со мной по телефону, а затем его ярость переключилась на тебя, Альберт... Он знает, что в твоей жизни есть кто-то другой...
- Так уж прямо нельзя сказать, я все же нарушил данное самому себе обещание помалкивать и проговорился.

Несмотря на ломоту в костях и шее, она подняла голову и уставилась на меня.

- Этого не может не должно быть! запротестовала она.
- * Вращающийся стол, который состоит из нескольких подносов, поворачивающихся вокруг центральной стойкистержня.

- Но у меня была одна... привязанность до того, как я встретил вас! Я слегка всплакнул.
- Но дорогой, я думала, что для тебя мы, Илайджа и я, это всё. Мы, безусловно, обязаны быть для тебя всем.
- Есть... кое-кто еще, сказал я, наконец, на их манер, ибо не мог чистосердечно признаться в своей дилемме или привязанности как ее ни назови. Я вспомнил о месте, где родился в Алабаме Бон-Секуре и о городках моего деда и прадеда Этморе, Каноэ и Таннел-Спрингсе.
- Внимательнее, внимательнее! услышал я голос Миллисент. Последнюю пару недель ты витаешь в облаках, Альберт. Это разбивает мне сердце. Если ты подведешь меня, я не знаю, каким еще способом мне добраться до него (Илайджи), и возможно, это станет концом пути. Ты сильно заблуждаешься насчет власти денег. Они ничего не решают. Ни одна женщина со времен Эдема не страдала так, как я. Я продолжаю жить, но каждый мой день все пенибельнее*. Сегодня он сказал мне очень язвительные слова, по-моему, самые обескураживающие и язвительные слова, которые мне когда-либо говорили. У меня такое чувство, будто меня отправили на пыльный чердак... Подойди ближе, дорогой, я не хочу, чтобы кто-нибудь из прислуги подслушал...

Когда я приблизился к ее стулу, она прошептала:

– Знаешь, Альберт, дитя мое, на чем, по мнению Мима, я сижу?

По ее щекам заструились слезы, смывая французские румяна той же марки, какой пользовался Мим: позже я узнал, что она и впрямь покупала ему всю косметику.

- Ну же, Альберт, ты ведь учился в университете, правда, всего один год, но большинство людей не добиваются даже этого, независимо от происхождения.
- * От фр. pénible тяжелый, мучительный.

- Мне понадобится немного времени, чтобы догадаться, Миллисент, – предупредил я.
- Разве у нас нет вечности?... У меня, по крайней мере, есть.

Она притянула меня к себе, и капля косметики упала на мое запястье. Миллисент мгновенно промокнула ее большим носовым платком.

– Слушай внимательно. Он сказал, что я сижу на *пуфике...* – Взмахом руки она указала на свое сиденье, стоявшее на приподнятом помосте. – Разве ты не чувствуешь дьявольской злобы в выборе этого слова? Пуфик!

Я ухмыльнулся во весь рот, а она испытующе посмотрела на меня.

- Я понятия не имею, что делать с другой твоей привязанностью. Он сказал мне, что не будет с тобой общаться, пока ты не бросишь этого второго человека...
- Но никакого второго человека нет...
- Альберт, ты слишком красив для того, чтобы не иметь наперсников, возразила она.
- Ах, вот оно что, я сел на крошечный стульчик подле ее «пуфика», а затем, вспомнив словечко, которое она употребила «наперсники», не смог удержаться и открыто расхохотался.
- Ну давай, груби и хами, сказала она. Но ты не дождешься жалости или понимания от Илайджи. Он превратит мою жизнь в ад, если ты чистосердечно во всем не признаешься. Куда ты, например, ходишь, когда тебя нет с твоим народом в «Райских кущах», Альберт...
- Неужели у меня не может быть личной жизни...
- Мы не следим за тобой, и ты знаешь об этом, Альберт, теперь она совсем разобиделась и позвонила прислуге.
- Я взяла тебя после первой же встречи, полагаясь на интуицию, да еще из-за твоих изумительных глаз. К тому же твое дыхание благоуханно, словно мед из

цветов апельсина – говоря по правде, это и определило мой выбор... Нора, – обратилась она к вошедшей служанке, – принеси поднос с лучшим ликером и, погоди минутку, ради Бога, не выбегай, как курица с перерезанной яремной веной. Будь так любезна, принеси два граненых бокала для вина, побольше, если можно, и погоди минуту, остановись, не мечись так, я хочу к ликеру пресное печенье. Теперь можешь убегать, и надеюсь, что ты... Эта женщина не выносит меня, Альберт, – заметила она, когда служанка ушла. – Я нашла у нее в спальне литературу – она последовательница какого-то популярного культа и верит в то, что наш мир близится к скорому концу. Отсюда ее флегматично-высокомерное отношение ко мне.

- Наверное, вы с Илайджей удивились бы, если бы я пролил перед вами на пол свою сперму, разумеется, ради вашего же развлечения, и поразились бы, что она не коричневая! Перед тем как сделать это заявление, я встал.
- Ужасно смешно, она задумалась над моими словами, которые я произнес, почти не осознавая, что вообще собираюсь что-то сказать, и точно так же нет, еще больше, чем она, удивился, когда услышал, что сказал. Похоже, ты не учел первый урок нашей первой встречи. Меня не интересует ни одна раса, не говоря уж о роде людском в целом. Я согласилась бы жить с бабуинами, если бы они не отличались, по слухам, неприязненным нравом, но, вероятно, они ничуть не хуже этой набожной дуры Норы, которая любит Иисуса, но при этом терпеть не может свою хозяйку и кормилицу.
- А если бы я сказал вам, что влюблен в птицу? произнес я, потянув ее за платье.
- Альберт, продолжала она так, словно я ничего не сказал, однажды после обеда, пару недель назад, из кармана твоих брюк выпал клочок бумаги,

исписанный твоей рукой. Я подобрала его с некоторым трудом, но мне не хотелось, чтобы служанка нашла какую-нибудь улику, которую можно использовать против меня, а также против тебя; если желаешь, я верну записку тебе. Я храню ее наверху в надежном месте. На клочке было написано: «Истинны ли беды белых, реальны ли они?» Я долго не могла забыть эту фразу. Но у меня есть для тебя ответ, Альберт. Да, они реальны. Ты не поверишь, но, Бог свидетель, это - факт... Минуту назад ты употребил совершенно однозначное сексуальное выражение. Ты должен выбросить из своей благородной головы мысль о том, что Илайджа или я жаждем твоего тела, хотя его линии изящны и благородны и я день за днем любовалась изгибами твоих рук и бедер. Я совершила все ошибки, присущие человеческому разуму, поэтому во мне почти не осталось ни капли ханжества. Нам не нужна твоя сперма, если воспользоваться тем странным словом, которым ты назвал свой дар миру белых. Нам нужна твоя душа.

Точь-в-точь как Миллисент не слышала некоторых моих заявлений, мне кажется, я тоже не до конца уловил суть этих слов. Тем не менее, позже в «Райских кущах» (слезы наворачивались мне на глаза так настойчиво, что под конец пришлось извиниться перед собратьями, сказав, что у меня сенная лихорадка, хотя на самом деле осень уже переходила в зиму) я обдумал все то, что Миллисент говорила обо мне, себе самой и Илайдже...

- Ты не увидишься с Мимом, пока не пойдет снег, запомни! Только тогда он открывает «Сады Арктура» и танцует на публике! Ее слова всплыли у меня в памяти, когда я по рассеянности раскрыл кошелек и выронил четыре тысячных банкноты на глазах у потрясенной официантки.
- Я получил наследство, объяснил я, заглянув в ее пытливое лицо.

В эту самую минуту Миллисент Де Фрейн разговаривала с Илайджей Трашем по телефону:

- Он говорит мне, что влюблен в птицу.
- Дорогая, либо на сей раз ты лишилась рассудка и за тобой скоро приедут (что станет счастливым избавлением для всего рода людского), либо эта твоя адская прислуга проткнула тебе из мести барабанные перепонки... Когда у тебя прояснится в голове, свяжись с моим пианистом, если тебе нужно будет сообщить что-нибудь важное. И пришли мне денег, слышишь, скаредная ты тварь!
- Он думает, что нам нужна лишь его сперма, продолжала разговор Миллисент, но тут вдруг послышалось щелканье на линии, и Мим повесил трубку.
- Мне надо было умереть в 1917-м, Миллисент сидела с золоченым розовым телефоном на коленях. Я хотела бы, чтобы это случилось в месяц тюльпанов. Я не выношу осенние цветы с их буйной растительностью и лопастными листьями. Я отдала бы все на свете за целую комнату тюльпанов. Думаю, это меня осчастливило бы.

На самом деле, Миллисент Де Фрейн нисколько не постарела с 1913-го: в этом году она влюбилась в Илайджу Траша, которого в афишах театра «Ипподром» называли «Самым красивым мужчиной на свете», и после первой же их встречи за кулисами она каждый день думала о несбыточности их любви. Он отчасти вдохновил ее на то, чтобы посвятить всю свою жизнь безответной страсти, и ни один другой человек никогда ее так не вдохновлял.

Когда ударили зимние морозы, Миллисент отметила наступление холодов, переменив лишь одну деталь своего гардероба: она надела жемчужное колье. Мехов же она носила ничуть не больше, чем в июле.

Миллисент и Мим находились теперь в чрезвычайном возбуждении, ведь Илайджа вновь выступал на сцене, хотя его спектакли, да и сами зрители

(которые не платили за вход, а получали приглашения) не имели почти никакого отношения к ньюйоркскому театральному сезону.

– Нью-Йорк, любезнейший Альберт, умер, – говорила мне Миллисент с малинового сиденья своего пуфика. – На самом деле, он умер еще в 1917-м, но мы потакали ему, делая вид, будто он по-прежнему жив. Наверное, ты вернешься в тот городок в Алабаме, как ты там его называл... Этмор, Каноэ, Кофейные Ключи, Жженое Зерно или что-то в этом роде. Я смотрела карту твоего штата, и если эти места так же интересны, как их названия, я бы, возможно, там перезимовала. Но когда Нью-Йорк прикажет долго жить, полагаю, ты вернешься в Алабаму.

- Альберт! вскрикнула она вдруг в сильном раздражении. Твои глаза потускнели из-за невнимательности.
- Прошу прощения, Миллисент, сказал я. Сегодня я очень подавлен.
- Если б я могла понять причину твоей подавленности...

Затем вошла Нора с крошечным золотым подносом, двумя люцерновыми таблетками и стаканом воды. Нахмурившись, Миллисент проглотила таблетки и так жадно осушила стакан, словно была лошадью.

- Мим утверждает, начала она вдруг, пересказывая недавно вскрытое письмо, что если в этом сезоне он не будет прекрасен и публика не полюбит его до исступления, он покончит с собой... Ты же знаешь, мне запрещено посещать любые его выступления...
- Я сын фермера, хочешь верь, а хочешь рассмейся над моим признанием, сказал Илайджа Траш, чтобы отчасти подготовить меня к своей Большой Премьере в «Садах Арктура». Мой отец был фермером из Иллинойса, а затем семья решила по какой-

то непонятной для меня причине податься на равнины Монтаны. Там я остался бы навсегда, дорогой мой Альберт, и крутил бы хвосты лошадям на гречишном поле, если бы однажды вечером не попал в Оперный театр и не увидел танцевальную труппу, приехавшую с постановкой «Кармен». Тогда я понял, что брошу своих набожных родителей и уеду в Чикаго. Мне было пятнадцать. Я нежно любил своего папу, ведь он всегда мирился с моими шалостями, но моя мать, помешанная на религии, не признавала ничего, кроме тяжелого труда и молитвы. Даже не попрощавшись с ними, я запрыгнул в товарный поезд, где мне поручили присматривать за скотом, и прибыл в Чикаго с четырьмя долларами в кармане штанов, не зная ни единой души в городе... Но личность моя уже полностью сложилась, и если позволишь мне так выразиться, - хоть я и знаю, что чуть дряхл по нынешним меркам, – я покорял сердца всех встречных. В самом деле, едва я прошел два квартала по Мичиган-авеню, как один известный импресарио той эпохи по фамилии Адамс заметил меня и тотчас ангажировал на роль юноши, носящего знамена в некоторых шекспировских пьесах, - это был «Генрих vi», акты i, ii и iii. Но вскорости, устав от этих ролей, я уплыл четвертым классом в Грецию и дебютировал на ступенях Парфенона... Затем – Париж...

Я неоднократно пересказывал эту историю Миллисент Де Фрейн, хоть она слышала ее тысячу раз из уст Мима, да и знала по собственным обширным записным книжкам...

- Так оно и было, отозвалась она, сонно приподняв голову, и с улыбкой кивнула.
- Выгляни на улицу, закричала Миллисент, охваченная каким-то благоговейным трепетом. Снег идет. Лето кончилось и начался сезон! Ты слышишь меня, Альберт?.. «Сады Арктура» откроются с минуты на минуту...

Да, действительно шел снег — валили огромные хлопья вещества, столь чуждого моей коже и моему сердцу, и все же в жилах моих лето неистовствовало, как никогда, а на моей верхней губе постоянно скапливалась как бы лужица пота, который, сколько бы Миллисент ни приказывала мне или служанке все насухо вытереть, вновь просачивался, подобно крови из большой проколотой артерии. Она разочаровалась во мне и, полностью сосредоточившись на премьере Мима, перестала обращать на меня внимание. Она велела достать свои самые лучшие платья и заказала новые туфли-лодочки. Послала за ювелиром, осмотрела новые ожерелья и купила новое кольцо.

- Пойми, меня не пустят, говорила она мне. Не потому, что я опоздаю на два часа, а из принципа. Он должен отвергнуть меня выгнать прямо на глазах у зрителей. Я сгубила его жизнь, и об этом нужно рассказать публике. А я буду унижена и сконфужена, словно все это по-настоящему. Да, Альберт, беды белых реальны, хоть ты и считаешь нас лишь иллюзией.
- Я никогда не говорил...
- Ты это написал, и я буду хранить твое письмо в надежном месте, пока весь этот город не обратится в прах, похоже, ее всколыхнула неистовая страсть.
- О тебе-то заботятся, вскрикнула она, почти задыхаясь. Но кто хоть когда-нибудь позаботился обо мне. Ты знаешь, что такое рабство? Глупец! А как насчет рабства, которое познала я? Теперь сядь, сказала она, когда я подошел к ее пуфику. Ты не должен упустить ни единой детали сегодняшнего представления.

Ее календарь лежал раскрытым, будто повелевая: воскресенье, 28 ноября.

Хотя перед моим первым визитом в «Сады Арктура» Миллисент подкрепила меня холодными бутер-бродами с мясом цесарки, вином «либфрауэнмильх», крепким кофе и бренди, ноги у меня стали ватные,

когда я постучал в дверь частного театра Илайджи, ожидая вступления в новую жизнь. Ведь, общаясь с Илайджей дружески как шпион Миллисент Де Фрейн, я вовсе не был готов увидеть его в обличье Самого Красивого Мужчины на Свете. Поэтому, постучав и став ждать, я почувствовал себя не в своей тарелке; впрочем, это чувство постоянно усиливалось, начиная с той июльской встречи с Миллисент. Я был закутан в тяжелую шубу ее четвертого мужа. Высокую дверь открыла почтенная пожилая дама и спросила, как меня зовут. Вторая старуха, седовласая и чересчур напудренная, с крошечными гагатовыми сережками, выглядывала из-за плеча первой.

Она просмотрела список приглашенных на спектакль, но так и не нашла имени Альберт Пеггс.

- Но меня же прислала Миллисент Де Фрейн! воскликнул я, и некоторые ранние зрители в небольшом зале закашлялись.
- Уверяю вас, заговорила прочувствованно-негодующим тоном матушка Маколей, первая седовласая дама, и могу еще раз заверить вас, что мы не можем впустить сюда ни одного друга Миллисент Де Фрейн.
- После того, сколько денег она прислала Миму, возмутился я вслух.
- Да она и ломаного гроша ему никогда не дала, заговорила вторая дама. Будьте столь любезны удалиться, молодой человек.
- На свете нет никого, завопил я что было мочи, дабы меня услышали по всему зданию, никого и нигде, кто любил бы и уважал Илайджу Траша так же, как я. Я не приму отрицательного ответа и не удалюсь, протиснувшись мимо них, я успел услышать старый знакомый громогласный крик:
- Усадите его на большое плюшевое тронное сиденье, матушка Маколей, в первом ряду, и, ради Бога, прекратите эти ваши с Эбигейл Таттл пререкания.

12

Неужели сияние славы всегда должны омрачать несведущие ревнители? Как только усадите его, идите на свои места и впускайте сегодня всех. Не прогоняйте никого, слышали?

- А если придет мисс Де Фрейн? спросила матушка Маколей, которую покоробило от язвительных слов, сказанных им о ней сегодня.
- Впустите и эту линялую безалаберную старуху, если ей удастся дотащить свои кости в такую пургу, голос Илайджи начал затихать, но я успел выкрикнуть в ту сторону, откуда он доносился:
- Благодарю вас, любезнейший друг, что похлопотали обо мне.

Мне показалось, что я услышал в ответ воздушный поцелуй.

Да, снаружи валил густой снег, а здесь было слишком жарко, слышался очень сильный аромат ветиверии, и висели плотные клубы благовоний «кашмирский шафран» и «квайпурская роза», от которых глаза мои почти сразу же затуманились.

В жилах моих бушевал пламень, подобный горящей нефти, но я вдруг задрожал и даже не снял тяжелую шубу, хотя матушка Маколей несколько раз подходила ко мне и показывала жестами, что могла бы унести мою ношу, если я того пожелаю.

Небольшой зал был теперь полон, и я успел взглянуть на стены, увешанные картинами в золоченых рамках: на них маслом был изображен средний период жизни Мима. Мим в роли Гайаваты, младенца Моисея, Аполлона и Иисуса с Марией Магдалиной в Гефсиманском саду, вдобавок к длинной портретной галерее ангельских юношей. Пока я глазел на них, старуха рядом со мной перегнулась и прошептала:

– Это его покойные любовники. У всех одинаковая судьба, – она покачала головой и нахмурилась: – Они подвели его, – она собиралась продолжить, но прозвучал гонг, и свет начал меркнуть.

Вдалеке я услышал низкий и скорбный молящийся голос.

Затем хлопнула чья-то рука, и молниеносно (мне и впрямь показалось, будто на сцену бросили шарообразную шутиху) перед моим потрясенным взором возник Мим – сам Илайджа, выглядевший не старше двадцати пяти и, несмотря на кошмарные украшения и макияж, почти такой же красивый, как боги на стене. Он посылал всем воздушные поцелуи.

Недуг мой обострился то ли из-за благовоний, то ли просто от волнения, и я счел уместным шмякнуться на пол, дабы не возбуждать свои нервы более, нежели, по моему мнению, они возбудились бы от того, чему я должен был подвергнуться. И я положил голову на ботинки молодого белого джентльмена, который сказал, чтобы я отбросил условности и устраивался поудобнее, и, словно уже предупрежденный Илайджей или Миллисент Де Фрейн, стал вытирать мою верхнюю губу, усеянную ледяными каплями.

После первого гипнотического появления Илайджи, вызвавшего целую бурю аплодисментов, матушка Маколей поднялась на сцену и объявила первый номер Мима, прочитав предварительно краткий биографический очерк, с коим я уже ознакомил всех читателей сей повести; упомянутый же номер назывался «Нарцисс осущает последний кубок радости».

В этой части концерта Илайджа был облачен лишь в вишневую шаль.

– Подумать только – ему ведь уже за девяносто, – сказал юноша, на чьих ботинках я развалился. Мне так нездоровилось, что я не мог ответить словами, но поскольку руки мои всегда сохраняли свою силу, я дернул его за шнурки.

Теперь я уже начал сомневаться, действительно ли это Илайджа, ведь, будь ему хоть девяносто, хоть семьдесят, хоть сто, тело его было крепким, как

яблочко, а гениталии внушали надежду, что он способен еще зачать множество детей. Тем не менее, его профессия требовала всякий раз выглядеть иначе.

Затем последовал антракт, в котором молодой человек, сидевший рядом, проникнувшись любовью ко мне, вероятно, из-за моего африканского происхождения, угостил меня коньяком из своей личной бутылочки.

- Я всегда нахожу здесь кого-нибудь полезного, сказал он. Не пропускаю ни одного сезона.
- А чем вы зараба... Хотел было я спросить, как вдруг вновь прозвучал гонг и погас свет.

Заново пережив волнение того вечера, я чуть не забыл сообщить читателю, что Юджин Белами, пианист, был во фраке и выглядел совершенно по-ньюйоркски: с красивыми темными кругами на бледном, как луна, лице, и геранью в петлице. Он метал в меня взгляды, исполненные злобы и ненависти, если только не играл Сесиль Шаминад или Эрика Коутса.*

- Вы закадычный друг Мима? прошептал мне на ухо молодой человек.
- Кажется, я теряю сознание, ответил я, возможно, вам придется позаботиться обо мне.

Но мое головокружение почему-то не встревожило ни меня самого, ни моего соседа, который все так же мурлыкал мелодии, доносившиеся из фортепьяно.

Наверное, были уже показаны несколько номеров: помнится, «Пьеро» – нескончаемая сценка во французском саду с Мимом в зеленом трико и, наконец, чувственная оргия под названием «Вакханалия в пустыне Сахара», где Илайджа надел колокольчики дромедара, которые, увы, так сильно напомина-

ли «Армию спасения» на Рождество, что весь номер утратил для меня свою несомненную прелесть.

Но посреди этого представления за дверью послышался страшный грохот, и, сдержав обещание, в зал ворвалась Миллисент Де Фрейн вместе с молодым человеком, одетым в костюм пожарника и несшим топор. Он, разумеется, выломал дверь: завсегдатаи сразу поняли, что он никакой не служащий пожарного депо.

- Немедленно прекратите этот неуместный спектакль! Моих ушей достиг вопль Миллисент. Я был потрясен: ведь так не обращаются с человеком, которого любят с 1913 года. Прекратите, я сказала! прокричала она: Миллисент тоже выглядела удивительно молодо ни следа ревматизма и восьмидесяти с лишним лет. Дурнота, похоже, отступила, и я выпрямился на полу, надеясь, видимо, тщетно, что Миллисент узнает меня, ведь она была так блистательна и эффектна, и мне захотелось, чтобы она поздоровалась со мной на глазах у всех этих интересных людей.
- Проклятый старый мешок с костями! Так вламываться посреди самого изнурительного моего номера... Леди и джентльмены, эта простая шлюха, не угодившая за решетку только благодаря своему богатству, хоть она и не заработала в своей жизни ни гроша, преследует меня с самого начала века. (В гневе он всегда выдавал свой возраст, хотя в документах неизменно указывал, что ему двадцать восемь.) Изо рта у нее разит, как от целого племени каннибалов, и она щеголяет красотой престарелой ехидны, но при этом тешит себя надеждой, что я безнадежно в нее влюблен... Она даже распускает слухи, будто содержит мой театр! Друзья и зрители, вы можете в это поверить?

Послышались исступленные крики «нет», как в хорошо разученной пьесе.

 $^{^*}$ Сесиль Луиза Стефания Шаминад (1857–1944) – французский композитор и пианистка. Эрик Коутс (1886–1957) – английский композитор и альтист.

– С другой стороны, этот порочный шарлатан, – начала свое возражение Миллисент Де Фрейн, – растлил собственного правнука, и сегодня среди публики нет ни одной юной особы, которую он не растлил или не обесчестит и растлит в будущем. Поэтому я умоляю вас бежать отсюда со всех ног – и впрямь бежать так, словно все здание охвачено пожаром... Дряхлый Антиной! Я ненавижу тебя за то, что ты сделал со всеми нами, – теперь она обращалась непосредственно к Миму и, вытащив широкий, фантастически длинный нож, бросилась на него.

Он тотчас схватил Миллисент, вырвал нож у нее из рук, а затем безразлично и вяло плюнул ей в лицо.

Пока все это происходило, я не заметил, как молодой человек рядом со мной почти полностью меня раздел. Шуба моя исчезла, а брюки и трусы улетучились. Решив, что он собрался насладиться моим телом, я повернулся, дабы задать вопрос, но юноша, разумеется, испарился.

Затем вечер растянулся, как церковная служба: безусловно, тут требовалось больше внимания, чем при обычном дивертисменте, ведь взамен запланированного спектакля Мима мы получили серию сольных танцев Миллисент Де Фрейн, носившей под оперным плащом полный комплект доспехов и поэтому похожей, по словам некоторых зрителей, на Боадичею*.

Она исполнила минимум четыре, а возможно, даже полдюжины номеров, и это было удручающее зрелище, ведь она с трудом поднимала ноги, да к тому же во время всего выступления Мим шикал и освистывал ее из-за кулис, выкрикивая фразы типа:

* Боадичея (Будика, или Будикка) (ум. 60/61) – королева икенов, одного из племен древних бриттов, проживавших на территории нынешнего графства Норфолк на востоке Британии. Возглавила крупнейшее восстание против Римской империи.

– Даже у пугала на сильном ветру больше грации! – Или: – Из-за хруста ее костей не слышно фортепьяно!

По окончании различных номеров Миллисент, которой уже начали громко аплодировать, спела на бис балладу:

Ах если бы луна светила И под нею сирень цвела! Но дождь, как из ведра, мой милый, Лил, как из ведра...

Не в силах больше стоять за кулисами, Мим без объявления выскочил оттуда, схватил Миллисент как партнершу и начал выделывать с ней бесподобный тустеп к вящему восторгу публики, ибо неожиданно выяснилось, что для блестящего выступления Миллисент не хватало лишь его направляющей руки. Их дуэт и впрямь обещал стать гвоздем сезона в «Садах Арктура», как вдруг с галерки кто-то крикнул:

– По-ли-ци-я!

Миллисент и Илайджа, с пунцовыми лицами и запыхавшиеся от усталости, продолжали танцевать, плавно перейдя на танго. Через выломанную входную дверь ворвались полицейские, размахивая дубинками, и я, решив, что они явились за мной, ринулся с голой задницей к пожарному выходу, а затем, как только начал спускаться, услыхал стрельбу...

Я не виделся с Миллисент Де Фрейн и Илайджей Трашем более десяти дней – за это время я прочитал в одной газете очень большого формата об их аресте и недавнем освобождении из-под стражи. В газете были помещены их фотографии, и оба выглядели так невыразимо уродливо, что я даже удивился, как я мог вообще выносить их общество. Однако в их присутствии казалось, будто они живее всех остальных людей вместе взятых – молодые и прекрасные во всех смыслах.

На мне лежала вина и одновременно ответственность за Миллисент и Илайджу. Я не мог объяснить своих чувств к ним или к кому-либо еще. Но хотя затруднение, из-за которого я стал посещать тайные «нумера» на Уолл-стрит, отнимало у меня кучу времени и сил, Миллисент Де Фрейн и Илайджа теперь стали если и не вытеснять мою первую «привязанность» или «привычку», то занимать, несомненно, очень большое место в моих мыслях.

Я отправился на квартиру Миллисент на Пятой авеню, но швейцар стал настойчиво уверять, что она уехала из страны. Я солгал ему, сказав, что она только что мне звонила, поэтому он довольно сконфуженно посадил меня в лифт с панелями цвета слоновой кости и зеленым узором из какаду. Поднявшись на третий этаж, я столкнулся на выходе с Норой.

- Мисс Де Фрейн вас не ждет, Пеггс, громко сказала Нора, удерживая дверь лифта открытой, чтобы я мог снова туда войти и спуститься.
- Я не желаю видеть дезертиров, предателей и обманщиков! Голос Миллисент повысился, почти неузнаваемый в ярости. Выпроводи его. Я пришлю ему свой чек...

Я решительно прошагал в комнату, откуда доносился голос. Из-за ревматизма она выглядела очень скверно и сидела в какой-то пестрой шали, которая ей совсем не шла.

- Я не позволю вам избавиться от меня, как вы избавились от других своих поверенных джентльменов, сказал я и сел у ее пуфика.
- Видимо, я у всех вызываю желание хамить, произнесла она.
- Досадно, что вы не всегда носите меха. Шаль не располагает к беззаботности...

Прежде чем ответить, Миллисент обратила внимание, что Нора все еще стоит на пороге приемной, или, как она называла ее, «гостевой».

– Можете идти по своим делам, Нора. Мистеру Пеггсу нужно кое о чем поговорить...

И тут она принялась меня распекать – обвинила во всех мыслимых проступках, неудачах, злодействах и подлостях, так что я определенно почувствовал себя ее кровным родственником. Такой жестокой могла быть со мной лишь мать. В конце концов, я очень горько зарыдал, и это принесло большое удовольствие и облегчение нам обоим.

– Я никогда не прощу тебе, что ты не отправился со мной за решетку. Скажем так: это самое меньшее, что ты мог сделать.

Я рассказал о грабителе, унесшем мою одежду, полностью обнажив меня, и объяснил, что только из-за этого полиция была бы со мной весьма сурова.

– Отговорки, мой дорогой, уловки.

Дворецкий принес ей меха, и она наложила на щеки густую белую пудру.

– Я нашла еще одну из тех записочек, которые, как я предполагаю, ты пишешь самому себе, – сказала она, придав себе более представительный вид, – и она тронула меня так же, как первая. Если б я только могла выбить у тебя из головы мысль о том, что мне нужно твое тело! Оно нужно мне на небесах, а не здесь... Но вернемся к записке – вот она.

Миллисент достала тяжелый позолоченный лорнет с купидонами с одного бока и прочитала:

- «Благодаря моему знакомству с Миллисент Де Фрейн и Илайджей Трашем, я отдалился от других людей. После того, как я окончательно был допущен к величавому обществу сих блистательных особ, моя прежняя жизнь и карьера полностью завершились, и я вступил... в общем, в нечто такое, что не под силу описать ни одному смертному».
- Я тогда же решила поцеловать тебя в губы, она рассматривала их с тем злобным вниманием, которое я замечал только у врачей. Подойди.

Я опустился на колени между ее серыми атласными домашними туфлями, и она припала ртом к моим губам. Язык ее, по силе и шершавости напоминавший коровий, исследовал внутреннюю сторону моих щек, язык и каждый зуб.

- У тебя прекрасное здоровье! воскликнула она, наконец отстранившись. Мы продолжим сотрудничество, Альберт. Я разжаловала тебя, но из-за твоей смелости все же оставлю на службе. Однако я хочу, чтобы ты предал Илайджу так же, как он предал меня. А теперь встань, пожалуйста, и выйди из комнаты.
- Я не желаю видеть этого жалкого отступника, можешь пойти и выгнать его вон! сказал Илайджа Юджину Белами, объявившему о моем приходе. Скажи ему, Юджин: он ябедник, вероломный, как вода и как леденец от первого встречного... Разгуливает с одной вечеринки на другую, повторяя эту клевету, подогревая этот старинный навет, раня там, бередя старую рану здесь, сыпля на нее соль и всегда прикидываясь сущим ангелочком, хотя он и утверждает, что уже стал зрелым мужчиной. Скажи, пусть возвращается туда, где ему намажут хлеб маслом толщиной с палец... И я имею в виду не Алабаму. Пусть старуха Миллисент сожрет его заживо мне плевать...

Когда Юджин вновь появился в комнате, я обратился к нему своим громогласным тоном:

- Скажи Илайдже, я не потерплю, чтобы меня выгнали отсюда, словно простодушного бакалейщика, и хочу вначале с ним увидеться... Я помнил и волновался об Илайдже с того злосчастного концерта, скажи ему, но как чернокожий юноша я не мог рисковать, ведь полиция арестовала бы меня, объясни ему...
- Ты не чернее меня, моя радость, голос Илайджи постепенно приближался к моему любимому стулу,

на котором я сидел. – Ты – самый белый и гладкий из всех, кого я встречал.

И тут между комнатой, где находился я, и той, откуда слышался его голос, отдернулась штора. Казалось, будто Мим надел маску, ибо выглядел он очень моложаво. На нем был шафрановый купальный халат и перчатки с насыпанной в них, как я позже узнал, миндальной мукой – чтобы уберечь ладони и запястья от морщин.

- Ты можешь обмануть кого угодно, но только не Илайджу, сказал он и сел в другом конце комнаты. Юджин Белами тоже уселся на табурет перед фортепьяно и в вялом темпе заиграл что-то из Листа.
- Я полагаю, Альберт, тебя интересуют только деньги, но в тебе есть кое-что еще, голос его вдруг замер, потом Илайджа встал и подошел ко мне. Он поднял сначала левую мою руку, а затем правую, мельком осмотрел их и зашагал обратно к своему стулу, продолжая на ходу:
- В белках твоих глаз есть что-то особенное, и оно говорит мне, что ты вовсе не испорчен...
- Как вы всегда благородны, Илайджа Траш, огрызнулся я.
- Я не потреплю дерзостей от того, кому уже указали на дверь, вспыхнул он, но мне было ясно, что злится он не всерьез.
- Твари, на которую ты работаешь, уже не меньше ста лет: наверное, тебе это известно... Если бы ты хоть чуть-чуть разбирался в привычках ей подобных, я рассказал бы тебе, как она сохраняет молодость.

Я прикрыл глаза, умышленно делая вид, будто мне неинтересно.

- Ты не спишь, дорогой?..
- По-моему, я знаю, как она сохраняет молодость, наконец сказал я.
- Что ж, и впрямь, в таком случае ты первый из ее многочисленных посланцев, кому удалось это

выяснить. Но, разумеется, ты необычайно, да-да, в высшей степени умен...

– Ей абсолютно нечем заняться – вот в чем секрет ее молодости, – сказал я.

Он расхохотался, как шекспировский безумец.

- Праздность одна из тех вещей, что старят людей больше всего. Я знал одну наследницу, которой не позволяли даже держать в руках книгу, когда она читала. В тридцать она выглядела на все девяносто... Нет, ты на ложном пути, дорогой Альберт, очень холодно... Возвращаясь к Миллисент Де Фрейн (вечно возвращаясь к ней, ведь она преследует меня с 1913 года, хотя тебе уже и надоело об этом слышать!), ее единственная страсть, интерес, цель и программа выглядеть в точности так, как она выглядела в тот допотопный год. Еще в начале жизненного пути она открыла способ сохранения молодости. Впрочем, он состарил ее настолько же, насколько сохранил свежей. Не знаю, в чем причина, - в том ли, что сейчас раннее утро, или в твоем ребяческом уме, но я почему-то не могу заставить себя рассказать тебе...
- Терпеть не могу, когда меня уговаривают. Иногда это вызывает неописуемую ярость, предупредил я, распрямляя грудь и руки, чтобы напомнить ему о своей силе.
- Ты обратил внимание, продолжил он, осмотрев, как я полагаю, мои ступни, ведь они довольно велики: один из моих ранних поклонников сказал, что с такими длинными узкими ступнями я не смогу стать Адонисом, ты, разумеется, обратил внимание, ведь тебя принимают в ее замке почти ежедневно, что ее постоянно ожидает целая очередь чрезвычайно молодых людей. Я подразумеваю под этим, что они ждут встречи с ней...
- Да, я заметил немало ожидающих мальчиков, сказал я тоном, граничащим со степенностью.

- Ну так сделай выводы сам, черт возьми! Я не скажу больше ни слова, он взглянул на огромные золотые часы, которые достал из своего шафранового купального халата.
- Никогда не думал, что у нее могут быть любовники, сказал я, хотя изредка она меня ласкает.
- Это означает лишь, что она относится к твоему телу несерьезно, ответил он утешающим тоном. Нет нужды продолжать, Альберт, я ничего тебе не скажу.

Тут он встал.

- Юджин, довольно Ференца Листа, можешь уйти, Мим прогнал пианиста, а затем трижды тяжело вздохнул.
- Раз уж ты вынуждаешь меня признаться, я сделаю это, но опущу детали, продолжил он, как только музыкант удалился. Я понимаю, что ты, вероятно, желаешь узнать секрет ее необычной молодости по чисто профессиональным причинам, ведь ты ее посланец...
- Шпион, поправил я.

Он очень ехидно ухмыльнулся.

Затем, подойдя ко мне и положив обе руки мне на плечи, он заглянул в здоровые белки моих глаз и сказал:

– Она не любит этих юношей – она не любит никого. Но, дабы сохранить свою молодость, – тут он отвернулся от меня, громко завопив от досады и отвращения, раздражения и злости, вероятно, на мироздание в целом, – эта жуткая тварь откачивает из них сифоном сперму: одну выжимку за другой из этих безупречных образцов молодости, без нежности и интереса к их телам – или душам – холодно и расчетливо, словно хирург, а затем отпускает их, выплачивая огромные суммы, чтобы никогда их больше не увидеть... Разве ты не понимаешь, что эта тварь – враг всего того, что мы зовем любовью? Она – изверг. И как только Господь такую терпит...

Проняв меня до костей, снег начал замораживать мою алабамскую кровь, да и весь организм. Мне оставалось лишь пить черный китайский чай да сидеть, сколько дозволяли приличия, в столовой «Райских кущей», где одним ветреным вечером Аманда Дадделл представила мне не кого иного, как пианиста из «Садов Арктура»: его галоши напоминали сугробы, а на шарфе висели сосульки.

Я так удивился, что даже не предложил ему сесть, и тогда он сам плюхнулся в кресло.

- Вам придется простить меня за то, что я к вам ворвался, начал он.
- Надеюсь, вы не принесли дурных вестей от Илайджи Траша?
- С Илайджей Трашем ничего не случилось. С ним ведь никогда ничего не случается, правда? Неприятности у меня, они-то и привели меня прямо сюда, сказав это, он покачал головой, как китайский фарфоровый болванчик.
- Это мой второй дом после Алабамы, заговорил я фальцетом. Сказать Аманде, чтобы принесла вам что-нибудь подкрепиться?..

Она стояла слева от меня и, тотчас достав маленький блокнот и карандаш, стала ждать распоряжений Юджина Белами.

– Наверное, у вас есть мучная запеканка, – сказал он надменно.

Аманда состроила мину, означавшую: нет и не будет в обозримом будущем.

– Ну тогда принесите какой-нибудь из ваших обычных десертов, – велел он ей.

После неловкой паузы, которую я не в силах был прервать, – тем временем он снял пальто, а один из привратников подложил под его промокшие ноги газеты, – Аманда принесла ему манный пудинг с двумя вишенками сверху, и он начал удрученно их теребить.

- Возможно, я должен сразу перейти к делу, мистер Пеггс, ведь я не владею искусством дипломатии, а сердце мое разбито... Вы должны оставить Илайджу Траша. Другого выхода нет. На кону стоит мое личное счастье и психическое здоровье, не говоря уж о хлебе с маслом... Он так резко отпихнул от себя пудинг, что тарелка угрожающе зависла на краю стола.
- В отеле такое правило: обедающие должны доедать все, что заказали, обратился я к нему доверительно. Ни один кусочек или ломтик нельзя отнести обратно на кухню без объяснений, иначе это вызовет весьма щекотливое положение.

Юджин Белами побледнел, как полотно. Теперь, когда я успел его рассмотреть, он оказался и впрямь весьма привлекательным молодым человеком с золотистыми локонами, свежим цветом лица и волевым подбородком, но крохотными губками бантиком, из-за которых он не мог стать Аполлоном. Впрочем, длинные черные ресницы, наверное, помогли ему обрести множество поклонников среди клиентуры особого рода. Его руки шокировали меня своей несхожестью с руками пианиста: короткие, словно обрубки, они выглядели так, будто он перемыл горы посуды в очень горячей мыльной воде.

Пока я изучал его приятную внешность, он жадно проглотил весь манный пудинг и с грохотом швырнул ложку на тарелку.

- Он будет еще? спросила меня Аманда.
- Будете, Юджин? сказал я настойчивым уговаривающим тоном.
- Больше ничего. Может, у вас есть чаша с водой?
 Мы с Амандой покачали головами.
- Тогда я приведу себя в порядок в вашей комнате, мистер Пеггс, сказал он.
- Это невозможно, возразил я, обменявшись взглядом с Амандой Дадделл. В «Райских кущах» разрешается впускать гостей в номера только по особому

57

разрешению самого Божественного Отца. Но у нас есть чудная приемная, - я махнул рукой в сторону уютной зеленой комнаты с тяжелыми стульями и неярким светом.

– Ничего не поделаешь, – он встал. – Главное – интимная атмосфера, и чтобы никто не подслушивал.

Мы сели за гигантский ореховый стол, на котором стояла маленькая лампа с зеленым абажуром, и Юджин начал барабанить пальцами по дереву. От его дыхания на поверхности древесины выступил пар, и тогда он достал носовой платок и протер запотевшее место.

- Пеггс, как я уже сказал, вы должны оставить Илайджу. У вас есть все, а у меня – ничего. Ничего, кроме Илайджи.
- Как я могу оставить то, что мне не принадлежит? -Я крепче затянул свой галстук.
- Прошу прощения, сказал он, и его взгляд внезапно приковало старое пианино.
- Я не принадлежу Илайдже Трашу, сказал я, так же, как и он – мне. Вы наверняка знаете...
- Но Илайджа влюблен в вас по уши ... Если бы вы умели играть на фортепьяно, он прогнал бы меня из своей студии сегодня же вечером – и вычеркнул из своей жизни... - Он рассматривал мои ладони. -Разумеется, вы не умеете играть. Но неужели вам не понятно, что если б вы только вернулись в Алабаму, моя жизнь осталась бы прежней, а вы бы все равно забыли о нем?.. У вас это просто безрассудная страсть, а у меня - образ жизни, «стиль жизни», как выражается вульгарная ежедневная пресса. Я не могу жить без Илайджи Траша, а вы повсюду пользуетесь спросом. Сейчас – ваше время.
- Так дело не пойдет, пробурчал я, пытаясь сдержать гнев.
- Если не хотите возвращаться домой в Алабаму, у вас еще остается Миллисент Де Фрейн.

- Но она остается у меня лишь до тех пор, пока... в общем, пока я шпионю за мистером Трашем. Одно без другого немыслимо. Вы же должны это понимать.

Тут Юджин Белами достал фиолетовый конверт с надписью большими черными буквами: АЛЬБЕР-ТУ ПЕГГСУ. ЭКСВАЙРУ.

– Пожалуйста, возьмите, – сказал он, так как я колебался.

Я вскрыл конверт и заглянуть внутрь. Как я отчасти и ожидал, там лежала тысячедолларовая банкнота.

– Я прошу об одном: чтобы вы уехали, – проговорил пианист со всхлипом.

Я положил деньги в нагрудный карман.

- Вы знаете, что я не могу никуда уехать, ответил я. - Мне очень жаль. Я связан, так сказать, контрак-TOM...
- Я отдам вам все, начал он, горько рыдая. Можете использовать меня, как угодно. Я знаю, ваша привычка обходится очень дорого, поэтому я и дал вам эти деньги. Возможно, вы избиваете людей. Я согласен, чтобы вы избивали меня и издевались надо мной постоянно, если это доставляет вам удовольствие.
- Запах крови не из моего репертуара...
- Но ваша привычка, мистер Пеггс... Неужели вы не понимаете, что она вас погубит? Почему бы не взять деньги и не уехать в Алабаму?..
- Хотите забрать деньги обратно? Я вынул конверт из нагрудного кармана и протянул ему.
- Разумеется, нет. У меня и в мыслях не было... Он очень громко зашмыгал носом.
- Я отдаю вам все свое тело, все свое состояние, свое имущество, и что же получаю взамен? Оскорбления и грубости от... от...
- Спелого баклажана, Юджин, подсказал я. А теперь вы послушайте меня. Я так же, как и вы, по уши влюблен в Илайджу Траша. Почему – не знаю. У него все не так...

- Я скажу вам... вставил Юджин.
- ...все наперекосяк и набекрень; он больше не умеет ни танцевать, ни петь; его стихи плохи, но я знаю одно: в ту минуту, когда вижу его, я попадаю в рай и на седьмое небо, это нирвана и рахат-лукум полное чувственное и умственное наслаждение... Он будоражит меня, как четыреста волчков, и меня не остановит такая, как вы, фигурка со свадебного торта. Почему я не могу наслаждаться теми же радостями жизни, что и вы? И что из того, что я шпион? Конечно, вы уважаете меня, как чернокожего, но это не совсем то.

Затем я встал, наклонился и поцеловал его в губы, дабы скрепить и заверить наш договор и полюбовное соглашение.

У меня есть альбом, где под защитным слоем желатина хранятся все полевые цветы и листья некоторых деревьев моего родного штата Алабама. В тоскливые периоды своей жизни – один из них как раз наступил после свидания с Юджином Белами – я уходил в библиотеку «Райских кущей» и рассматривал свой альбом. Я почти не замечал снегопад за окном и печальные черные лица тех, кто, избрав Нью-Йорк своей целью, потеряли все, что имели прежде.

Я уже знал наизусть «обличья» и имена своих любимых полевых цветов, но в тот вечер после встречи с Юджином Белами я нежно целовал каждый, повторяя его название: водосбор короткошпорый, малина душистая, анемонелла василистниковая, водная орхидея «косы кивающих дам», тайник сердцевидный, узколистная слива чикасо...

Мои ноздри вновь жадно вдыхали аромат этих цветов, неизвестных в Нью-Йорке, когда Роско Джордж осторожно потряс меня за плечо и, поклонившись, как пристало швейцару, сообщил, что мне звонят по «внешнему» телефону.

- Во имя всего святого, где ты был? Ты же нужен мне позарез! Голос Илайджи гремел в трубке так отчетливо, словно сам он сидел где-то рядом в «Райских кущах». Отвечай...
- Меня задержал ваш пианист! заорал я в ответ, потревожив нескольких дам, дремавших поблизости в Персиковой комнате.
- Я погиб, продолжал Илайджа, возможно, не услышав моего упоминания о визите Белами. Все кончено, мой дорогой. Эта порочная тварь с десятью состояниями выиграла судебную битву и взяла под опеку моего правнука, известного близким друзьям, как ты помнишь, под именем Райского Птенчика. Это ее последний козырь, дабы поставить меня на колени... Все кончено, все кон...

К собственному изумлению, я повесил трубку, прошагал обратно в библиотеку, раскланявшись перед этим с дамами, сидевшими в Персиковой комнате, и плюхнулся на кушетку. Наконец-то я это совершил — повесил трубку посреди разговора с Мимом: это было таким же ужасным оскорблением, как если бы я харкнул в протянутую руку члена королевской семьи. Я покончил с Нью-Йорком и ликовал, но в то же время страшился. Нет, Мим никогда мне этого не простит.

Затем я мечтательно переключился на произнесенные им слова: правнук Илайджи, о котором он так часто упоминал, стал пленником Миллисент Де Фрейн.

Несмотря на подслушанный разговор Мима с правнуком перед зарешеченным окном Пищевого фонда, я по-прежнему сомневался в существовании Райского Птенчика. Я считал это лишь красивой метафорой... Идеальная любовь, божественная педерастия, о которой он так много вещал: Платон со своими любимыми учениками, Иисус – со своими и т.д. Тем не менее, правнук существовал.

Я протер глаза и посмотрел в окно на снег. Да, он белый, настоящий и падает - нет нужды себя щипать; до Алабамы – тысячи миль, она далеко-далеко, там все уже умерли, и даже те, кто остались, забыли меня. А здесь белый человек Юджин встал передо мной на колени и предложил сделать с его телом все, что угодно, но я любезно отказался, и завтра Миллисент Де Фрейн будет ждать меня в своей «гостевой» с новыми распоряжениями. Вдруг я прижал запястье к уху и прислушался. Оно билось – бедное смятенное сердце, все так же простодушно качая кровь, хотя качать было особенно незачем. Я закрыл альбом с полевыми цветами. Прижимая запястье к уху, я уловил запах собственного пота: по правде сказать, он сильно отличался от запаха Миллисент Де Фрейн или Илайджи, но мне показалось, что в целом он приятнее для общечеловеческого обоняния.

- Стоп! Смотреть только на Президента! загудел голос Миллисент Де Фрейн, когда я собрался войти в гостевую. Впрочем, это непонятное замечание не остановило меня, и я прошагал прямо к ней.
- Смотреть только на... начала она вновь, но конец фразы потонул в моем собственном изумленном крике.

Не могу сказать, что увиденное меня изумило, ведь я уже отвыкал изумляться, но оно все же поразило меня, поскольку я не был готов к такому именно зрелищу у нее в большой комнате. Во-первых, Миллисент стояла без трости или какой-либо иной опоры. Но наибольшее удивление вызвало, конечно же, то, что прямо перед ней стоял на коленях Мим. Впрочем, на лице его не читалось ни раскаяния, ни подобострастия, и в действительности он смотрел так, словно сам высился над съежившейся Миллисент Де Фрейн.

– Я должен был догадаться, что ты придешь в подобную минуту! – заорал он на меня. – У тебя нет чувст-

ва времени, мой любимый. Боюсь, ты начинаешь меня утомлять...

- Это стало бы для меня жестоким ударом, Илайджа, сказал я безо всякой иронии: я говорил то, что думал.
- Какое трогательное замечание, Илайджа, произнесла Миллисент со своей недосягаемой высоты, и нужно подчеркнуть, что хоть стоя, хоть сидя она была очень рослой: воистину – шесть футов в одних чулках.
- Не понимаю, почему люди, не знакомые должным образом с моей жизнью и творчеством, всегда наблюдают меня в самом неприглядном виде? Я должен дать ему свою неопубликованную автобиографию, Миллисент, пожалуйста, напомни мне, и самиздатовский сборник стихов и афоризмов...
- Я хочу, чтобы ты либо встал, дорогой, либо разрешил мне позвать на помощь кого-нибудь из прислуги...
- Можно было не сомневаться, дорогая, что ты завопишь, как стадо ослов, закричал Мим и двинулся на коленях к большому ризничному комоду, где вместо священнического облачения Миллисент хранила небольшую коллекцию моноклей, вино и лекарства.
- Не знаю почему, но унижение одна из сторон реальности, с которой я так и не смог свыкнуться, воскликнул Илайджа, и в эту минуту я догадался, в какое неловкое положение он угодил: поскользнувшись и упав, Мим не сумел подняться из-за возраста и слабого скелета.
- Позвольте мне, Илайджа, направился я к нему.
- Да-да, позволь нашему дорогому мальчику! воскликнула Миллисент.
- Прочь, кретины! закричал Илайджа, и хотя лицо его побагровело от натуги, а из-под одежды выпала пара зеркалец и блокнот, ему удалось, схватившись за ризничный комод, встать на одну ногу, и затем я, ослушавшись, помог ему встать на другую.

63

– Просто великолепно, просто замечательно! Осанна, право же! – произнесла Миллисент.

Подняв зеркальца и блокнот, я начал пролистывать последний, не сразу осознав, что веду себя неприлично. Видя, чем я занят, Миллисент тихо сказала:

- Постарайся запомнить все, что там увидишь, Альберт.
- Не знаю, кто из нас должен объяснить мистеру Пеггсу, по какой причине я здесь оказался, начал Илайджа после того, как уселся в одно из самых вместительных виндзорских кресел, а я передал ему бумаги. Тем не менее, если хотите, можете записать, ведь, кажется, настал конец всему, тем не менее, я капитулирую. Из этой огромной толстой газеты я только что узнал, что ей удалось усыновить Райского Птенчика, известного также как мой правнук...

Миллисент рассматривала прутик старого зонтика, который чинила сама. Как она поведала мне в другой раз, в живых не осталось ни одного зонтичного мастера: последний – обаятельный ве́нец ростом всего четыре фута одиннадцать дюймов – недавно эмигрировал, и больше не было никого, кто мог бы заняться ремонтом.

– Я всего лишь оформила разрешение на усыновление, дорогой Мим, но Илайджа, – обратилась она ко мне, – тотчас решил, что я приютила мальчика в этой и так уже переполненной квартире.

В ту же минуту послышался детский смех, и мужчина в шоферском костюме прошел через смежную комнату вместе с молодым пареньком в индейском наряде и с длинными черными кудрями.

Мим заслонил глаза рукой, и даже Миллисент показалась слегка растерянной.

Мальчик высвободил ладонь из руки шофера и подошел к стулу, на котором сидел его прадедушка.

– Давным-давно, – заговорил Илайджа, не убирая руки с глаз, – еще в десятые годы этого столетия,

я избавился от критиков, просто вступив в тот мир, куда они вступить не могли и о котором, несмотря на всю свою настырную изворотливость, не могли получить ни крупицы информации. Но эта гарпия, преследовавшая меня в течение жизней нескольких поколений, пройдет даже сквозь бетон и железные двери, чтобы только добраться до меня... Теперь она отняла у меня единственную мою любовь!

– Да ты же не заботился о нем, лапонька.

Затем, без всякого предупреждения, правнук разразился целым потоком самых настоящих лесных звуков, которые, пожалуй, никогда не слетали с человеческих уст. Я почувствовал необъяснимый трепет, словно перенесся на много тысяч лет назад в одну их своих ранних, дочеловеческих жизней. Передо мной стоял немой мальчик, но из его же уст доносилось пение целого леса птиц: этот талант он никак не проявлял, стоя за решеткой Пищевого фонда.

Я заметил, что даже Миллисент Де Фрейн чутко внимала, закрыв глаза, этим звукам природы, но выступление мальчика оказалось свыше Мимовых сил. Он склонил голову, и из глаз у него брызнули тоненькие ручейки слез, похожие на крошащуюся штукатурку, которая осыпается с разрушенной стены.

- Разве ты не видишь, Альберт, заговорил он, словно в мольбе, эта наушница и злодейка все-таки сумела прижать меня к ногтю! Удерживая здесь в плену Птенчика, она тем самым посадила под замок меня.
- Средневековый вздор, и ты это знаешь, Илайджа! съязвила Миллисент. Если б мы только захотели, то смогли бы счастливо жить вместе, будто жаворонки. Ведь смысл жизни, мой херувимчик, в уступках.
- Она говорит об уступках, которых сама не делала никогда в жизни, прознес Мим сквозь приступы беззвучного смеха. Компромиссы, уступки, сговорчивость, податливость жеманные банальности, которые в душе она презирает...

Пока Илайджа метал в нее громы и молнии, Миллисент уговорила Птенчика сесть к ней на колени и манерно целовала его в губы, приговаривая после каждого поцелуя:

- Темнее бордо и еще темней вишни!

Трудно было сказать, описывает ли она соблазнительный цвет губ мальчика или же напевает одну из своих старинных баллад.

– Ну что ж, дорогой мой Альберт, ты видел, как сегодня кандидат действительно встал с пола, но в любом фактическом смысле он все еще на коленях – и останется в этой позе навсегда.

Илайджа Траш разговаривал со мной в комнате за театральной сценой, а я ждал его распоряжений, готовясь к генеральной репетиции его очередного публичного выступления.

Он выглядел спокойным, насколько это было возможно, учитывая тот факт, что Миллисент забрала его правнука из-под опеки Пищевого фонда и теперь держала, по словам Мима, «под домашним арестом» в своих роскошных апартаментах.

Илайджа сидел на своей скамеечке «сгабелло», поскольку предпочитал неудобные сиденья, когда собирался, как теперь, сообщить неприятные или важные сведения. Вскрытая телеграмма в его левой руке колыхалась на ветру, дувшем из разбитого окна, через которое забредали сизари в надежде на подсолнечные семечки.

– Она распространяет по общественным каналам подобные мерзкие сообщения, – он ткнул мне под нос телеграмму, и я прочитал:

УТЕШЬСЯ. ВСЕ СОВИНЫЕ ЯЙЦА БЕЛЫ. МИЛЛИСЕНТ.

– Ты что-нибудь понял? – Он приблизился ко мне со смехом. – Если б она прислала такую телеграм-

му тебе, я счел бы это выражением ее превосходства, ведь она твердо верит в эндогамию. Попомни мои слова, ее интерес к тебе вызван лишь страстной любовью к экзотике, ну и тем обстоятельством, что твой престиж как чернокожего сейчас выше, чем у какого-нибудь белого Аполлона, которого она могла бы нанять для шпионажа за мной... Но позволь рассказать тебе, как она пытается отбить мальчика у меня - единственного человека на свете, кого он любит, – отбить у меня единственного, кого люблю я, хотя и ты мне очень дорог, Альберт, но, кажется, ты как следует не оценил мои великие достоинства. А теперь послушай, что творит эта ведьма на метле, стремясь отбить его у меня... Во-первых, она пригласила несколько оркестров с тромбонами и саксофонами для аккомпанемента, ведь, как и большинству современных молодых людей, звуки ему ближе, чем слова... Если он устанет от оркестров, у него есть, понимаешь ли, пальмарий, где под огромными тропическими финиковыми пальмами и посреди гигантских кактусов хор отборных, специально надрессированных попугаев окликает мальчика на разных языках, восхваляя его и утешая в одиночестве, u... обрати на это внимание, мой очаровательный друг... каждый попугай обучен – о, какая злодейская хитрость! - очернять, клеветать и бесповоротно губить мою репутацию...

Мим был одет в свою знаменитую «пятнистую» горностаевую мантию – поношенное одеяние, разумеется, подаренное самой Миллисент много сезонов назад, и при разговоре Илайджа разгневанно его одергивал.

– Сегодня репетиция, – заговорил Мим уже не столь обиженным тоном, – и Юджин должен появиться здесь с минуты на минуту... Я хочу, чтобы ты остался и сказал мне, какие номера из тех, что мы прогоним, по-твоему, эффектнее всего. Но я хочу, чтобы ты

зарубил на желудочках своего сердца, что Миллисент, чей хлеб ты ешь (хоть я и прощаю тебя за это, понимая, что такое позор и бедность, особенно, когда они идут рука об руку, как они всегда, подозреваю, и ходят), зарубил у себя на сердце страшную правду о том, что она верит исключительно в эндогамию, и ее любовь к тебе лишь показная.

В эту минуту в комнату вошел угрюмый непричесанный Юджин Белами со стопкой нот в одной руке и обедом в другой.

– *Ты-то* из деревни, Юджин, – донесся до меня голос Мима, когда я вышел в соседнюю комнату, чтобы дождаться там концерта, – какого цвета, по-твоему, совиные яйца?...

Озираясь вокруг, я начал размышлять: присутствую ли всего-навсего на репетиции будущего воскресного спектакля или из-за вечного своего невезения опустился, наконец, в преисподнюю, чтобы стать таким же бесплотным и непостижимым, как все сидящие рядом? И вот в зале не осталось ни одного свободного места, а молодой помощник Юджина Белами, Фред Ферминджер, ввиду необъяснимого отсутствия матушки Маколей с ее черным атласным платьем, внезапно появился в костюме мажордома, дабы повесить на крошечной сцене, точь-в-точь как в старинных водевилях, громаднейшую красную вывеску, на которой серыми буквами было написано:

ЧЕТВЕРТЫЙ НОМЕР ВОСКРЕСНОГО РЕПЕРТУАРА, «ЗАПРЕТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»
В ИСТОЛКОВАНИИ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОГО МИМА, ЗВЕЗДЫ СЦЕНЫ И КИНОЭКРАНА,
СЫГРАВШЕГО В ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ВЕРСИИ
ФИЛЬМА «БЕН-ГУР» И ДЕБЮТИРОВАВШЕГО
НА СТУПЕНЯХ ПАРФЕНОНА:
БЕССМЕРТНОГО ИЛАЙДЖИ ТРАША!

Все в зале бурно зааплодировали, когда Фред Ферминджер появился вновь и, вместо того чтобы ударить в гонг, как это всегда делала по воскресеньям матушка Маколей, объявляя о начале представления, протрубил в огромную раковину, причем так эффектно и навязчиво, что Мим, по его собственному признанию, решил в ту же минуту, когда это услышал, впредь заменить старый китайский гонг на океанскую раковину, поняв, что последняя более созвучна его языческому происхождению.

Теперь слышно было, как из-за кулис Мим декламирует строки из «Древнегреческой антологии» своим неподражаемым замогильным голосом, а затем он удивил нас тем, что без всякого предупреждения выпрыгнул, подобно атлету, на самую авансцену, и ее тонкие доски скрипнули в ответ. Потом, остановившись перед рампой и смежив подкрашенные веки, он позволил поклонникам насладиться своим лицом с широкой лучезарной улыбкой пунцовых губ, своей шляпой, похожей на крупную корзинку для рукоделия, и четырьмя нитками бус, под которыми он носил лишь cache-sexe*.

Каким бы дряхлым ни был Илайджа с его старыми сухожилиями, обвисшими грудными мышцами и обильным скоплением жира вокруг пупка, – когда он взмахивал рукой в такт приторной музыке, доносившейся из фортепьяно, я мог мысленно вернуться на пятьдесят-шестьдесят лет назад и увидеть, как молодой человек (коим он, возможно, был) добивается расположения пресыщенной парижской публики своей первопроходческой энергией и наивностью. Я погрузился с головой в эти чудесные мечтания, как вдруг чья-то рука бросила мне на колени записку, и чары вмиг разрушились. Кажется, Мим почувствовал это: он остановился посреди танца и посмотрел

^{*} Узкие трусики, плавки (ϕp .).

69

мне прямо в лицо, прервав движение, а затем с недовольной гримасой, сильно его состарившей, и презрительной ухмылкой, которая нисколько его не обезобразила, вновь пустился в неистовый пляс, и его бусы закружились, стучась друг о друга. Я опустил взгляд на колени, где лежало письмо, вскрыл его и увидел такие слова, размашисто написанные оранжевым карандашом:

МИМ НАЗЫВАЕТ ТЕБЯ ЗА СПИНОЙ ЧЕРНЫШОМ ВЕЛИКОЛЕПНЫМ: ОБМОЗГУЙ СЕЙ КОМПЛИМЕНТ, ШИКАРНОШКУРИК!

Нарочитая жестокость записки (хотя сама кличка была давно и хорошо мне знакома) настолько взвинтила меня, что я двинулся, не осознавая, что делаю, прямиком на маленькую сцену, где одна длинная нитка бус так сильно ударила меня с размаха по лицу, что на нем выступила кровь, и, наверное, – хотя путаница до сих пор не рассеялась, – эта кровь забрызгала Мима. Тем не менее, он пришел в неудержимую ярость, увидев, что я на сцене, машу ему своей бумажкой и визжу, как всегда в волнении, фальцетом. Позднее я понял, что стал похож на черномазого из негритянского представления, когда спросил:

– Вы обзываете меня вот так у меня за спиной, сэр? И мой вопрос был столь неожидан, не говоря уж о моем присутствии на сцене, что Мим взглянул на бумажку и увидел слово. Он зашевелил губами, собираясь что-то сказать, как вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась Миллисент Де Фрейн: она опустила руку на голову Райского Птенчика, одетого так же, как его прадедушка, в просторное одеяние, похожее на тогу, – с гирляндой на голове и в сандалиях. В свободной руке он держал букет анемонов, сжимая другой ладонь Миллисент.

– Вы видите, леди и джентльмены, сколь коварна эта гадюка подколодная, – и затем, повернувшись к Юд-

жину Белами, Мим прокричал: – Ради Бога, прекратите молотить по клавишам, мистер Несравненный, неужели вы не видите, что вся репетиция пошла насмарку из-за этой толстосумки и двух простофиль, которые у нее в услужении... – И он мотнул головой, показывая на меня и своего правнука.

- Но вы должны объяснить это жуткое бранное выражение, Илайджа Траш, закричал я.
- Разуй хотя бы один глаз! гаркнул он на меня в холодной ярости. Это письмо было написано и подброшено тебе твоей нанимательницей известной соблазнительницей юношей моложе двадцати Миллисент Шарбонно Де Фрейн или кем-либо из ее бесчисленных сообщников...

Миллисент и мальчик уже были на сцене, и тогда я увидел, какая она и впрямь маленькая, ведь там едва хватало места для нас четверых. Миллисент быстро прочла записку без лорнета, а затем повернулась ко мне:

- Это почерк Мима, дорогой Альберт. Всему свету известно, что он расист.
- Я пришла сюда, леди и джентльмены, обратилась Миллисент к зрителям: публика в зале затаила дыхание, потому что я никогда в жизни не разлучила бы кровных родственников... Внемлите, она перегнулась через мерцающую рампу, вы мои свидетели. Я весьма вежливо пришла сюда с его любимым правнуком, который страдает одним недугом: заинька нем от рождения, хотя все прочие части его тела безупречны, Миллисент наклонилась и поцеловала его в губы, но сей престарелый Адонис сцены и экрана никогда не проявлял к мальчику ни малейшего интереса... Этого бесценного паренька собирались упечь в сельский дом для умственно отсталых. Я вмешалась...
- Ты вмешалась, Шарбонно, с одной-единственной целью... Леди и джентльмены, Илайджа обратился

вполголоса к зрителям, – позвольте рассказать вам, как эта тварь с миллиардным состоянием сохраняет свою молодость, ведь, коль на то пошло, ей уже больше сотни лет... Я намерен открыть здесь сегодня всю правду... Позвольте мне...

- Я хочу узнать, сэр, называли ли вы меня когда-либо Чернышом Великолепным? заорал я на Илайджу, рассеянно дергая за все нитки его черных бус сразу.
- Да, называл, холодно ответил он, и не жалею об этом. А что здесь такого? Разве не этого цвета ты вышел из утробы матери ответь? Сейчас ты хочешь, чтобы я восхвалял твою черную, как вакса, задницу, а через минуту я уже должен сравнивать тебя с целым полем алебастровых лилий. За двумя зайцами не угонишься. Ты черен, как ночь, и почему я, величайший из ныне здравствующих пластических артистов, обязан называть тебя иначе? Почему я должен унижаться до прихотей и капризов нынешней эпохи?

Я спустился на пару ступенек по лестнице, ведущей со сцены. На самой нижней ступеньке лежал старый цилиндр, используемый в одном из дальнейших номеров. Мне он давно понравился, а теперь я взял его и надел на голову.

Я простоял там долго, не шевеля ни единым мускулом, и можно было услышать, как летит муха.

Затем я не спеша расстегнул штаны и вытащил свой бесценный член. Мне кажется, я сделал все, как полагается: траурно и медленно, идеально рассчитав время. Затем, поклонившись каждому зрителю в отдельности, я удалился в фойе.

Впрочем, оказавшись снаружи, я расплакался и поправил на себе одежду.

Не пожелав ждать лифта, я начал спускаться по лестнице и вдруг услышал взывающий голос Мима:

– Альберт! Ради Бога на небесах, вернись, мой любимый. Вернись, ради светлых небес, вернись...

- Пожалуйста, не слоняйся и не околачивайся там снаружи, словно у тебя нет никаких дел. Ты же внесен в расписание, ей-богу, ну и заходи, мой единственный, мне вовсе не так уж плохо, не волнуйся и входи, входи же, обратилась ко мне Миллисент со своей «полевой кровати». Пока хозяйка не назвала ее так, я всегда считал, что это кровать с пологом на четырех столбиках и так далее, но Миллисент все же настаивала на «полевой» и говорила, что кровати не меньше двухсот пятидесяти лет.
- Доктор Хичмаф уже уходит, Альберт, воскликнула она, прокашлявшись, а затем кивнула на мужчину очень преклонного возраста с козлиной бородкой и в очках со свисающими ленточками.
- Кто этот смуглый молодой человек? почти выкрикнул врач, очень пристально меня рассматривая.
- Мемуарист, доктор Хичмаф, мемуарист.
- О чем же он пишет мемуары, дорогая Миллисент, позвольте поинтересоваться?
- Вы уже задали слишком много вопросов женщине, у которой сами же диагностировали сильное переутомление...
- Меня, как всегда, поправляет собственная пациентка! Он несколько раз покачал головой и зашелся судорожным смехом, похожим на кашель. Но, пожалуйста, больше не волнуйтесь о своих яичниках, моя дорогая, сказал он.
- Разумеется, не буду, да я никогда и не волновалась.
- Вашим яичникам могли бы позавидовать многие восемнадцатилетние девушки, Миллисент.
- Вы излишне великодушны! Служить предметом зависти совсем не мой стиль, Хичмаф, никогда мо-им не был и не будет. Наследственность вот в чем все дело, и вы знаете это лучше меня. Ваше нелепое восхваление демократии и милосердия неоднократно сбивало вас с профессионального пути.
- Моя дорогая, вы всегда опережаете мои аргументы.

– Я не потерплю, чтобы лучшим моим органам завидовало hoi polloi*... Мы с Альбертом снесли здесь недавно множество оскорблений, и я даже удивлена, что он зашел. Хотя вижу, – иди-ка сюда, любимый, – что его поцарапали: похоже на дикого зверя... Ах, молодость, доктор Хичмаф, молодость не ведает страха перед космосом...

Затем Миллисент пристально рассмотрела мое лицо и, наконец, смазала царапины и следы от когтей собственной слюной.

– Пожалуйста, взгляните на Альберта, доктор Хичмаф, вы ведь не потребуете дополнительной платы? Он ведь член семьи... Давайте, доктор, отведите его к свету и хорошенько, внимательно осмотрите. Вон туда!

Доктор Хичмаф отвел меня к огромному эркеру и заглянул мне в лицо и глаза.

- Вы спортсмен? спросил он довольно громко, чтобы Миллисент услышала.
- Просто поставьте диагноз, будьте так добры, Хичмаф, голубчик, и не углубляйтесь в его биографию. Он из Алабамы. Возможно, я когда-нибудь съезжу туда, ведь он рассказывал о ней столько чудесного и экзотичного...
- Полагаю, его поцарапала какая-то крупная птица...
- Ну так пропишите ему что-нибудь на свое усмотрение пилюльку или микстурку: у нас с Альбертом сегодня много дел. Он принес мне столько пользы, доктор Хичмаф, вы даже не представляете...

Доктор что-то наспех записал.

- Пожалуйста, передайте это на обратном пути Джордану, дворецкому, и он все приготовит, сказал он мне ледяным тоном, запечатывая конверт с рецептом.
- А вот *вам* абсолютно не о чем волноваться, дорогая, негромко заржал доктор Хичмаф, склонившись

над своей пациенткой, и поцеловал ее в губы. – И больше никогда не пеняйте на свои яичники... Помните об унции сырого мясного фарша перед сном. Вы почувствуете огромную разницу, Миллисент.

– В таком случае уходите, доктор, у нас с Альбертом куча хлопот. Значит, вы говорите, он здоров... Замечательно! Ведь я не смогла бы отвезти его обратно в Алабаму, окажись он нетрудоспособным, к тому же теперь, учитывая, сколько я на него истратилась, я не могу его потерять.

Как только доктор Хичмаф ушел, Миллисент Де Фрейн выпрыгнула из постели с проворством юнца, обула домашние тапочки и, подойдя к трафальгарскому стулу с вертикальной спинкой, буквально выпалила следующее:

- Все они шарлатаны, Альберт, но кто знает: возможно, когда мы просто слегка подавлены, в нас уже сидит какой-то смертельный вирус, и он как раз сведет нас в могилу... Ты взглянул хоть краем глаза на ту бумажку, которую он тебе написал? Ты ведь так ловко умеешь читать все, что попадается под руки...
- Я пришел попрощаться с вами, Миллисент, мэм, сказал я. Я не могу этого выносить.
- Чего? спросила она.
- Всего.
- Ты имеешь в виду меня, подытожила она.

Она молниеносно бросилась к косолапому ломберному столику из красного дерева и, достав из ящика пистолет, направила его на меня.

- Сейчас же объясни, что ты сказал, закричала она. И не думай, будто я шучу. Если я застрелю тебя, об этом никто не узнает кроме тебя, но все произойдет так быстро, что ты попадешь в рай, не успев ничего толком понять. Полагаю, ты веришь в рай...
- Нет, я не принимаю его всерьез.
- Лучше уж убить тебя, чем любить, сказала она и положила пистолет обратно в ящик.

^{*} Простонародье (др.-гр.).

– Ты понимаешь Мима с Десятой авеню, – задумчиво проговорила она. – Почему и как – не знаю. Мои белые мемуаристы не понимали в нем ни шиша. Христиане жалели его, а иудеи хотели, чтобы он довольствовался слабым утешением. Понимаешь, и любовь, и справедливость – обычно лишь показные эмоции. Но ты, дорогой, в курсе всего. Я не могу тебя терять. Возможно, я убью тебя, но не отдам... Теперь подойди и поцелуй меня, ведь хотя твои щеки истекают кровью, ты еще никогда не был таким спелым, как помидор, и миловидным. Ах, какие волнистые волосы и серьезные брови!

Моя привычка обратилась против меня, как свидетельствовали синяки, ушибы, царапины и кровоточащие раны по всему телу. Более того, я осознал, что безнадежно околдован Миллисент и Илайджей и что мою страсть, сколь бы неправдоподобно это ни звучало, можно назвать лишь любовной. Своей интенсивностью, романтикой и ночными размышлениями она вытесняла мою привычку. Они это знали, и их врожденная жестокость, тирания и невыполнимые требования укреплялись и упрочивались благодаря моей влюбленности. Впредь они не сдерживали себя ни в чем, что касалось меня, а я, «бедная черная пешка» в их игре, сносил любые унижения и оскорбления, которые они измышляли в следующий раз. Мне часто хотелось убить их обоих, и тут я узнал, что, по крайней мере, одна из них, Миллисент, подумывала убить меня. Разумеется, Илайджа тоже нередко говорил, что желает мне смерти, когда я с ним пререкаюсь, а это случалось почти непрерывно.

В отчаянии я решил ослушаться приказа Миллисент и, возможно, Илайджи и навестить Райского Птенчика в его пальмарии. Когда я вошел в жарко натопленную и очень ярко освещенную комнату размерами с крупный теннисный корт, мальчик играл и,

разумеется, не услышал меня, поскольку, вдобавок к немоте, был еще и туговат на ухо. Он расставлял в ряд черепах, готовя их к гонкам. Я коснулся его кудряшек, и он, медленно повернувшись, уставился на меня. Он сделал знак, чтобы я наклонился, а затем стал сосредоточенно ощупывать мое лицо, всякий раз поглядывая на свои руки и пальцы. Он обследовал все мое лицо и руки, вновь и вновь поглядывая на свои ладони, когда они касались меня. Наконец он подошел к луже, набрал в чашечку воды и начал старательно меня умывать. Жестами и словами я объяснил ему, что мой цвет не смоется, что бы он или я ни делали. Тогда я вспомнил, как слышал от Мима, что лучше всего общаться с мальчиком с помощью чмоканья: два поцелуя означает «да», а один -«нет». Я также выяснил, что он очень хорошо слышит все, что говорят, если обращаться к нему напрямую, но отвечать может, лишь вычмокивая «да» или «нет».

Возможно, дело в многочисленных талантах, которыми наградила меня моя привычка, или же в «моем алабамском шарме», по выражению Миллисент Де Фрейн, но Райский Птенчик, удивившись поначалу, что мое лицо не вытирается, глубоко привязался ко мне, и мне с большим трудом удалось покинуть его, так чтобы он не расплакался. Именно я подвел мальчика к телефону и разрешил позвонить прадедушке, который задавал ему вопросы, а он отвечал «да» или «нет», чмокая в трубку.

Разумеется, я знал, что Миллисент наблюдает за всем этим из некоего центрального помещения, где у нее был электронный глазок, позволяющий шпионить за слугами, в какой бы из комнат те ни находились (это одна из причин, по которой слуги уходили сразу или, испугавшись, что ей известно, чем они занимаются у себя в комнатах, оставались до старости, после чего автоматически покидали ее дом и переходили в руки правительства).

Таким образом, если не считать моей привычки, которая, как я уже сказал, начала меня подводить, привязанностей у меня было три: Райский Птенчик, Миллисент и Мим с Десятой авеню. Но поскольку каждый требовал полной отдачи, мое здоровье попрежнему ухудшалось, хотя, как говорилось, кажется, в другом месте, я почему-то становился моложавее и сильнее. Возможно, сама Любовь, возвращая меня в странное детство, в то же время снедала меня.

Из моей одежды выпадали похожие на помет огромных доисторических птиц, но белые, будто северный снегопад, записи, которые я должен был посвящать Илайдже Трашу, но вопреки этому бессистемно отклонялся от темы в разные стороны. Миллисент Де Фрейн тщательно осмотрела мое тело, изумляясь его пестрой окраске, вовсе не похожей на ожидаемый цвет шоколадного пирога и больше напоминавшей некие полузастывшие пласты лавы: здесь - коралловый оттенок, там - забавный розовый, а внизу – воспаленные землистые тона. Но, как меня и предупреждал Илайджа, ее страсть утоляли только юноши моложе двадцати – наемные слуги – и ее интересовал лишь их телесный эликсир, ведь, выкачивая из них мужеское млеко, она даже не успевала полюбоваться их разноликой красотой или вешней прелестью.

Клочки бумаги, на которых я записывал свои мысли, вначале вызывали у нее неистовый гнев, а затем, когда он утихал и никакие лекарства – ни из лучших органов молодых людей, ни из аптечки доктора Хичмафа – ей не помогали, она погружалась в мрачное желчное настроение, и вставала со своего стула лишь затем, чтобы сесть за чайный столик и подливать себе бесчисленные чашки черного китайского чая.

– Неужели этот чернильный мемуарист сказал правду? – постоянно сетовала она, а затем, вспоминая,

что это всего лишь слово, а калейдоскоп обманываемой сетчатки продолжает вращаться до тех пор, пока сам глаз не перестанет воспринимать узоры, источенные червями и рассыпавшиеся в прах, Миллисент приказывала мне занять свой пост.

– Его биография, – сказала она, подразумевая, естественно, Илайджу Траша, - не сводится даже к мелко порубленному учению! Полагаю, я имею в виду реальность. Так что же я имею в виду? Ты, как и все, околдован им - видишь его прекрасным юношей, каков и был умысел, признаешь мою страсть к нему, не ведающую времени, и все же – будь ты проклят – ты точно так же, как он, обманул меня! Я должна содрать с тебя шкуру, ведь телесная реальность – глубоко-глубоко под кожей, в тех органах, которые всегда влажны и омыты лимфой, кровью и текучей материей, то есть единственной жизнью тела, а все, что снаружи, дорогой, все, чем мы упиваемся, - лишь смерть и ролевая игра... Во что мы влюблены? Я должна предостеречь тебя, Альберт: твое личное присутствие становится очень сильным, твой смрадный аромат чересчур раздражает мне ноздри, ты – моя диета, которая может оказаться под конец отравленным ужином... Эти записи,она достала их из какого-то саквояжа, стоявшего на полу, сверкая сапфирами, - все они просто несносны. Мне больше не снятся кошмары, потому что я не сплю. Мне кажется, я могу дышать лишь благодаря тому, что ты страдаешь так же, как я. Так и должно быть, и, разумеется, я наняла тебя именно с этой целью... То, что ты добьешься любви Райского Птенчика в мое отсутствие, я тоже в точности предвидела, и все же теперь, когда это стало fait accompli*, подобная возможность представляется мне невыносимой. Почему ты не убъешь меня и не покончишь с этим?

^{*} Свершившийся факт (ϕp .).

Единственная наша задача – безусловно, стереть Илайджу Траша в порошок. Хоть это и невозможно, мы все равно закатываем рукава. Ты должен постараться, Альберт. Завлекай его, сбивай с толку, заигрывай, излей на него все свое перезрелое богатство, вызывающее у меня тошноту и вместе с тем аппетит, ну и, разумеется, продолжай вести эти шантажистские записи, раз уж ты не способен стать полноценным мемуаристом. Ты, чернокожая шлюха, способен быть лишь собой, таким чудным – только собой...

Она приказала мне поцеловать ее и при этом сильно изорвала мою новейшую чесучовую рубашку, так что теперь, если взглянуть в ее простеночное зеркало, и впрямь казалось, будто с меня содрали кожу.

– Я знаю, что у тебя за привычка, – бросила она, устремив на меня взор. – Можешь поблагодарить за это Господа, – она вытерла со своих губ мою слюну. – Немногие женщины способны нырнуть столь же глубоко, как я, и вынырнуть такой счастливой и беспечной, готовой посрамить любого дельфина. А теперь доберись до него и преврати его жизнь в сущий ад – так же, как он превратил мою. Слышишь, ты, Купленный-с-Потрохами?...

Я упал к ее ногам в припадке – самом тяжелом на моей памяти. Она слушала мой плач с чутким вниманием и критичной отрешенностью идеальной барабанной перепонки, созданной Господом специально для этого случая. Еще до сотворения мира были предрешены мои рыдания – столь жалобные, что у любого другого лопнули бы уши, но только не у нее. Ни один человек (ведь, как я сказал, все предрешено) не смог бы постичь смысл этого плача, а затем и тоненьких ручейков крови, заструившихся у меня из носа. Они не вызвали у нее никакого восторга и сделали разрыв наших отношений невозможным.

– Милейший Альберт, зарони в его разум какое угодно зерно, – прошептала она, сунув мне что-то

в ладонь, – сделай так, чтобы мое присутствие тяготило его, куда бы он ни положил руку и ни обратил взор. Я не хочу, чтобы он получил сейчас хотя бы минутную передышку, ведь нам некогда, и пусть Райский Птенчик часами говорит с ним по телефону. Все равно он не получит его до тех пор, пока не получит меня, и так мы одержим победу, настолько полную, ангел мой, что, будь я другой женщиной, мне пришлось бы сказать: это убивает меня... Когда выйдешь, открой ту другую дверь в палевую комнату – меня там ожидает один молодой джентльмен...

- Иди сюда, мой херувимчик, сказала Миллисент Де Фрейн Райскому Птенчику, когда он нерешительно, но отнюдь не пугливо вошел в ее гостевую. Он взяла мальчика за руку.
- Ты похож на звездную корону рядом с этим черным ягуаром от его вкрадчивых движений меня бросает в дрожь. Мой рот переполняется мускусом от его поцелуев... Поверишь ли, мой самый дорогой подопечный, некогда я видела мир в безоблачноголубом свете, который замечаю и в твоих глазах. Я тоже кое-чего ждала, но, если позволишь мне немного откровенности, твоя голубизна уже затуманивается. Вини в этом меня, если хочешь. Я готова к обвинениям. Сядь на табуретку, воробушек, и позволь мне потеребить твои кудряшки. Ты боишься меня, но я не причиню тебе вреда, она придвинула его поближе к коленям, и он уронил на них голову, словно отрубленную невидимым мечом.
- У меня есть то, что я сочла в общем и целом лучше любви, Птенчик. Разумеется, ты хочешь любви и поэтому намерен бросить меня. Я знала, что черная бестия охотится за твоим медком. Я ничего не запрещаю. Меня еще называют самой могущественной тираншей на свете, и если бы я не копила энергию, то рассмеялась бы над этим. Люди делают то, что

они делают, и я им не мешаю. Разумеется, я могу немного вспылить, отдаю приказы и веду себя властно, но разве обладание пятидесятимиллионным капиталом в этом огромном городе не дает мне права на кое-какие капризы? Тем временем ты сносишь мои ласки, бедный юнец. Я, конечно, знаю, что ты планируешь побег, - когда она сказала это, Птенчик подальше отвел голову и заглянул ей в глаза. – В этом вопрошающем взоре – все голубые небеса, которые когда-либо висели над этой печальной землей, – она несколько раз поцеловала его в лоб и щеки. – Сколько вкусов и ароматов у человеческого лица! Столько же, сколько на свете цветов и трав! Но ты отвергаешь меня. Разве я ругаю тебя за это? Разумеется, нет. Разве я не даю черному орлу и этому старому хрычу – твоему прадедушке – любить тебя, сколько им влезет?.. Зная уже почти сто лет, что под этим тусклым солнцем нет никакой любви, я никогда не отрицала ее у тех, кто заключал меня в самые жаркие объятья. Как ты знаешь, я привезла тебя сюда по многим причинам, - с этими словами она достала из внутреннего кармана длинную золотую цепочку и повесила ее мальчику на шею. Он чуть пошевелился, потрогал цепочку, но не проявил к ней больше никакого интереса. – И ни одну из этих причин общество не назвало бы приличной: использование тебя вместо приманки и так далее. На самом деле, все это - побудительные мотивы, но главный мотив в том, что мне просто захотелось вас обоих, а ему захотелось тебя больше, чем любого другого человека – живого, мертвого или еще не рожденного. Да, ты безропотно сносишь мои ласки, дорогой. И если ты пойдешь к Илайдже (а я знаю, что ты собираешься это сделать), у тебя останется лишь любовь. Но позволь мне вкратце описать тебе его жизнь. С самого рождения и по сегодняшний день ты знал лишь гигиену, чистоту, изысканные яства, лилейные простыни, развлечения и катание в парке. Разумеется, все были тебе безразличны, Господь отметил тебя печатью вечной немоты, и тебе, любимый мой бедняжка, было уютнее с птицами, нежели с людьми. Но когда тебя перевезет к Миму чернокожий мемуарист (живущий под неминуемой угрозой смертного приговора), ты попадешь в мир грязи, неразберихи и чрезмерных эмоциональных запросов, на извозчичий двор с тараканами, крысами, умирающими от голода голубями, мотыльками и пауками, которые будут тебя жалить. Но ты все равно уйдешь, ведь здесь ничто не волнует твое кроткое птичье сердечко. Поэтому ни одна дверь не будет заперта на засов, и ты сбежишь со своим чернокожим любовником. Иди, и черт с тобой, ведь я никогда не протяну длань закона, дабы вернуть тебя в это райское совершенство. Но возрадуйся, ангел мой, тому, что ты не можешь говорить. В твоем недуге – твое блаженство. Из-за умения говорить человек пал ниже прочих тварей, и это самая пагубная ошибка Господа, из которой проистекают все прочие. Если бы зверь не заговорил, здесь было бы светлее и зеленее, а история – этот залатанный, искусственный, второсортный и скучный кошмар, терзающий мозг даже мне, - так никогда бы и не началась. По счастливой случайности, результат такого беспорядочного умножения уже подходит к своему бесславному концу.

Он уснул подле нее, и она без особого труда уложила его себе на колени. После нескольких небрежных движений ее унизанных драгоценностями пальцев его нижняя одежда упала, обнажив шарик полового органа, который она, залюбовавшись, поцеловала в знак скорого прощанья и признания его ухода.

Илайджа Траш, в одних бусах, спускавшихся, правда, до самых коленных чашечек, произносил нараспев утреннюю молитву к Аполлону (он поклонялся

всем основным греческим божествам) и даже не подал вида, что узнал меня, когда я встал перед ним. Его глаза казались закрытыми, хоть и были широко распахнуты, и в свечении крошечной лампочки он и впрямь выглядел так, как, помнится, кто-то его описывал: высеченным из янтаря. Он ненадолго вышел из задумчивости, ткнул в меня изогнутой рукой, а затем махнул ею вниз, и я упал на колени, повинуясь его приказу. Я простоял так добрую четверть часа, пока он все стонал, вздыхал, вздымал руки и ронял голову на грудь. Молитвы меня всегда сильно утомляли, но я никогда прежде не догадывался, какие слабые у меня колени, ведь болели они теперь ужасно.

- Ты позаботился об этой матери всякого зла? наконец прогремел он, закончив молиться.
- Я отбил у нее мальчика, ответил я, предчувствуя недоброе.
- Чертова стерва, разумеется, знает о наших планах, сказал он, подняв меня все же с пола, и я кивнул.
- Когда ты приведешь мальчика сюда? спросил он, сложив ладони рупором перед губами.
- Когда пожелаете, Илайджа...
- Думаешь, у нас получится?... А потом, когда дело будет в шляпе, куда мы поспешим?
- Мы можем отправиться куда угодно, сказал я, и, услыхав это, он разразился целым потоком смеющихся нот от самого нижнего до очень высокого регистра. Тут я вспомнил, что он еще и певец.
- Она только что прислала мне вот это, проговорил он почти шепотом, разворачивая еще одну желтую телеграмму, которую затем сунул мне в руку. Текст гласил:

ВСЕ ТВОИ ПРОБЛЕМЫ РАЗРЕШАТСЯ ЕСЛИ ТЫ СОГЛАСИШЬСЯ ВЗЯТЬ МЕНЯ ЖЕНЫ. РАЙСКИЙ ПТЕНЧИК И СКОЛЬКО УГОДНО ДРУГИХ ТВОИХ ЛЮБИМЦЕВ ЖЕЛАННЫЕ ГОСТИ НАШЕМ ДОМЕ. НО МЫ

ДОЛЖНЫ ПОЖЕНИТЬСЯ! ЭТОГО ТРЕБУЕТ ВРЕМЯ. ЕСЛИ ТЫ ОТКАЖЕШЬСЯ МНЕ ОСТАНЕТСЯ ЛИШЬ СТЕРЕТЬ ТЕБЯ ПОРОШОК. ОДУМАЙСЯ ИЛИ ГОТОВЬ-СЯ К ЗАБВЕНИЮ.

МИЛЛИСЕНТ ДЕ ФРЕЙН

Настала моя очередь смеяться, но у меня был довольно ограниченный диапазон нот.

Придя в привычную ярость, Илайджа вырвал телеграмму у меня из рук, прошагал к себе в гардеробную и вмиг вышел обратно в самом, наверное, замысловатом костюме, который я до этого видел, – полностью сшитом из лоскутков.

- Придурочный клоун, ты таращишься, как персонаж немого фильма, упрекнул он меня.
- Как вы собираетесь ответить на это сообщение? поинтересовался я, пытаясь подавить обиду и гнев, вызванные его словами.
- Ты считаешь, что такой выдающийся человек, как я, отвечает на подобные просьбы старой деклассированной франтихи вроде нее? Странно, что телеграф не выдал ордер на ее арест. Разумеется, тамошние чиновники не знакомы с фразеологией, не говоря уж о языке, и я уверен, что бабуины могли бы передавать сообщения не хуже. Ведь более полувека я получал от нее телеграммы почти ежедневно. Они перестали приходить лишь раз – сорок лет назад, когда у нее была рожа, хоть я подозреваю, что на самом деле это был целый букет различных венерических заболеваний: незадолго до этого она съездила на Мадагаскар, где перепробовала сперму целого племени мальчиков-дикарей, живущих в горах. По возвращении она выглядела необычайно молодо, но заплатила за свою миграцию десятилетней болезнью. Меня огорчает одна простая вещь (и я даже удивляюсь, что, в конце концов, сам не сошел с ума): неужели для того, чтобы чувствовать себя живым, мне

требуются ее навязчивая страсть и жестокость?... Ты слушаешь меня, Альберт? В последнее время ты так безразличен. Теперь будь повнимательнее. Разве я (слышишь меня, Альберт?), разве я – это на самом деле она?

Но мысль о собственном неловком положении, наряду с головной болью, охватила меня с такой силой, что я испугался, как бы мне тоже не лишиться рассудка. Физическая боль была убийственна: я опустил голову Миму на плечо и прижался к нему.

- Дорогой Альберт, неужели в действительности я Миллисент Де Фрейн?
- Я видел вас вместе, ответил я. Значит, вы должны быть разными людьми. Затем, без паузы, я сказал: Мой дорогой Илайджа, я схожу с ума...
- Выброси эти мысли из головы: ты слишком молод для подлинного безумия, да и такой первобытный человек, как ты, просто не в состоянии понастоящему помешаться. К тому же, Альберт, не забывай, что ты похититель Райского Птенчика. Как только привезешь его сегодня вечером, нам обоим полегчает. Я говорил тебе, по крайней мере, мне так кажется, что буду всегда о тебе заботиться, если ты совершишь это похищение. Недавно я познакомился с новым меценатом, который обещает снабжать меня огромными суммами... Альберт, посмотри на меня...

Мне было ужасно плохо. Я упал к его ногам, с моих губ и языка на его босые ступни стекала пена, испещренная кровью. В чувства меня привело лишь его собственное «сумасшедшее» спокойствие.

- Тебе совершенно нечего бояться, добрый мой ангел, сказал он. Я нежно тебя люблю. Возможно, не той образцовой любовью, какую питаю к Райскому Птенчику, но ах! всем сердцем, Альберт...
- Одно существо крылатое и прекрасное обладает надо мной полной властью, дорогой Илайджа, –

я попытался открыть ему правду. – Это и есть моя привычка.

– Да-да, он владеет всеми нами, но ты будешь спасен, – сказал он, осыпав меня знаками любви, и мое безумие внезапно прошло. Я уселся рядом, и мы выпили вместе по чашке шоколада.

Стоя перед ее кремовой тринадцатифутовой дверью, я слышал отчасти знакомый голос пианиста, Юджина Белами, обращавшегося к Миллисент.

- Неужели вы не можете меня пощадить? Почему я должен действовать против того, кого люблю?
- Пощадить *тебя?* Де Фрейн возразила так мощно, что дверь передо мной бешено затряслась. Скажи мне, Юджин, ты когда-нибудь слышал, чтобы я щадила себя? Сейчас же ответь и прекрати это мерзкое нытье!
- Откуда мне знать, щадили вы себя или нет, чертова фанфаронка! парировал Юджин. Меня так изумила его дерзость, что я убрал руку с дверной ручки.

После паузы я услышал, как он заговорил вновь:

- Простите меня, мисс Де Фрейн, пожалуйста, прошу вас. Я просто вышел из себя.
- Как я уже говорила, начала она сдержанным рассудительным тоном оскорбленной добрячки, я очень обиделась, когда ты сказал мне прямо в лицо, что предпочитаешь Мима. Ты же знаешь, где тебе намазывают маслом хлеб вовсе не в «Садах Арктура»... Но вернемся к нашему спору. Я просто прошу тебя на время предать Мима. После этого он станет моим, простит тебя (ты, конечно, об этом знаешь), и ты вернешься в прежнее свое положение. Ты единственный из оставшихся, кто способен обмануть его так, как мне это необходимо...
- Нет, нет! закричал Юджин.
- Я услышал несколько пощечин подряд, а затем плач Юджина.

– Мое терпение лопнуло, – заорала она. Я услышал звон льда о стекло и громкие глотки. – Либо ты предашь его по моей методе, дорогой Юджин, – она остановилась на миг, чтобы еще немного отпить, – либо клянусь, что выдам тебя иммиграционной службе...

Не в силах больше слушать, как она запугивает Юджина, я поспешил прочь от двери, как вдруг услыхал крик Миллисент:

– Кто там подслушивает за дверью, эй!.. Я сказала, кто там рыщет? Назовите себя!

В смятении я пошел по коридору не в ту сторону и, решив из-за этой неразберихи, что дверь прямо передо мной ведет к выходу, шагнул вместо этого в огромную комнату, которой никогда раньше не видел, и, к своему изумлению, увидел восемь полицейских в синих мундирах, сидевших за большим дубовым столом и игравших в карты. Они даже не подняли голов. Я мгновенно подошел к ним и уселся на полированный табурет. Мое появление едва ли привлекло хоть капельку их внимания, и, окинув взглядом самого себя, я заметил, что и впрямь одет в униформу домашнего слуги, но вскоре забыл о них, услышав все вновь — отчетливо, будто через трубочку: усиливающийся голос Миллисент и жалобные мольбы Юджина о пощаде.

– Если ты боишься Пеггса-мемуариста, мне стыдно за тебя, – слова Миллисент звучали так близко, словно она прижимала рот к моему уху, и я почти чувствовал поток выдыхаемого воздуха, точь-в-точь как в прошлые времена – сидя у ее ног. – Когда флаги приспущены (он чернокожий, и значит, они приспущены всегда), когда имя ему скорбь, а жилище – преисподняя, он сделает для тебя все, если сочтет, что ты можешь облегчить его страдания хоть на долю секунды... Знаю, ты влюбился в него – я пошла на этот риск, наняв сей образчик непревзойденной, хоть и слегка стареющей физической красоты... Но

неужели ты не понимаешь: если он предает Илайджу, ты тоже предаешь его? Я не прошу тебя заколоть его ножом – во всяком случае, пока. Убей его какимнибудь другим способом, чтобы он весь истек кровью...

В эту минуту самый молодой из полицейских, с зубами из рекламы зубной пасты, подмигнул мне и передал одну карту, которая, разумеется, оказалась, пятеркой пик. Я запихнул ее в носок.

– Какой только шум поднимает наш народ вокруг Господа нашего, распятого на кресте, – вновь зазвучало энергичное контральто Миллисент. – Однако Его страдания имели начало и конец, да и в любом случае все было предрешено. Но задумайся над моим случаем... – Тот же полицейский подтолкнул меня локтем и передал другую карту, на сей раз двойку бубен, которую я потихоньку засунул за отворот штанины. – К тому же у моей Голгофы не было ни начала, ни конца, и я уже начинаю опасаться, что она продлится до скончания века...

Я встал, тяжело дыша, но полицейский потянул меня вниз, точно шафер, не дающий участнику уйти, пока не кончится служба.

– И не забудь, что Черныш похитит Птенчика завтра ночью – будь хоть полнолуние, хоть ураган... Но перед тем как выйти отсюда, ради Бога вытри лицо, иначе все вокруг поймут, что ты ревел.

Я уже двинулся без особых церемоний к двери, через которую вошел, как вдруг услышал голос полицейского с картами:

– Выходя из комнаты, Альберт, вы должны извиниться.

И все полицейские за столом рассмеялись, но я застал их врасплох, когда начал кланяться так низко, как не кланялся ни один чернокожий, черномазый или белый, находившийся у них под арестом: ведь я хорошо изучил и досконально освоил пантомими-

ческий репертуар Мима, точно был лучшим его учеником.

Все присутствующие копы встретили мое выступление бурной овацией, а я продолжал угодливо кланяться, пока не добрался до двери, а затем быстро закрыл ее за собой.

– Львы! Пеликаны! Слоновий формат! – заорал я, благополучно дойдя до помещения для прислуги, и Нора застыла с каменным лицом, как только меня охватил припадок.

Я готов был смириться со всем остальным – опасностью, деньгами, унижением и ненавистью к этому огромному дому, где я служил штатным мемуаристом, но разговорный язык, уже становившийся моим, просто сводил меня с ума.

- Я слишком мелкая пешка, и мне все равно, что случится со мной теперь, Нора... Принеси мне вина, слышишь, огромную-преогромную бутыль и, черт возьми, подбавь газу в свою жирную белую задницу. Перед тем, как похитить Птенчика, я выпью целое море вина, а не то эти легавые ввосьмером выпустят мне кишки... Копуша из копуш! завизжал я на Нору, когда она выбежала по ступенькам из подвала с бутылкой, а затем откупорила ее и налила мне бокал.
- Кругом подводные камни, как сказала бы твоя хозяйка, Нора, но запомни хорошенько, что это сказал тебе я.

И, улегшись на пол и полностью расстегнувшись, я стал медленно лить вино себе на нёбо тонкой струйкой, по капле, постепенно уменьшая этот непрерывный поток.

– Мой единственный ангел, не считая еще одного, и дражайший мой дорогуша, – обратился я к Райскому Птенчику, который лежал без сна на своей раскладушечке, крепко подпирая нос большим пальцем, со слегка подсохшими после плача глазами (он

рыдал денно и нощно). – Ты готов вырваться вместе со мной через крышу на волю, как ты пообещал на последнем нашем свидании?

Он удрученно кивнул.

– Ты по-прежнему любишь и уважаешь меня, сиротинушка?

Он поднял голову и жалобно зачирикал.

Я поцеловал каждый розовый пальчик у него на ногах и пощекотал ему ребра, но он не проявил никакого интереса или расположения.

– Значит, мы убежим вместе, невзирая на то, любишь ты меня или нет... Теплая шуба, хорошо, – подытожил я, просмотрев его гардероб, – ботинки на меху, гм, и твой наряд шотландского горца. Да ты важная шишка, – сказал я, и тогда он чуть усмехнулся.

Внезапно послышался голос Миллисент из комнаты в конце коридора:

- Эй, скоты, вино, которое вы мне подали, отдает пробкой! Ох уж эти головоломщики! Я чуть не подавилась! Да будь я проклята, если не разукрашу вас синяками всех цветов радуги! Живо взяли ноги в руки, спустили свои мослы в подвал и принесли мне бутылку, откупоренную как следует! Да, и я снова отлуплю вас, если только захочу, ведь после того, что я про вас узнала, у вас больше нет никаких прав. Марш вниз, говорю!
- Пока ты не скажешь, что любишь меня, Птенчик, клянусь, я никуда не убегу с тобой, прошептал я, когда старушка ненадолго угомонилась.

Сиротка жеманно поцеловал меня в щеку.

- Так-то лучше, Птенчик, я зашнуровал ему ботинки.
- По-моему, ты все еще боишься, что тебе попадет за жженую пробку, говорил я с закипающим гневом в голосе. И тогда Птенчик растрогал меня, обняв и зарыдав. Тсс, зашипел я, пусть она теперь напьется и уснет, не поднимай шума... Так-то лучше,

от

Птенчик, теперь мы уже совсем скоро будем счастливы, правда?

- В этом доме кутить могу лишь я, и разрази меня гром, если сегодня я снова почувствую привкус пробки на языке, голос Миллисент вновь послышался совсем рядом. Я погасил ночник, и сиротка крепко сжал меня в объятиях.
- Наверное, эта чертова черномазая трясогузка снова продает свою сперму прислуге, завопила она, а затем, надолго задержавшись перед нашей дверью, потащилась обратно в свою опочивальню.
- Мы скоро выберемся отсюда и поминай, как звали, теперь он крепко прижимался ко мне, как и подобает прижиматься к своему похитителю. По городским крышам, понимаешь, домой к дедуле...

Тут вдруг у меня начался припадок, я рухнул на пол, носом пошла кровь, и я задрожал, словно увидел всадника на коне бледном. Птенчик сам включил свет и уставился на меня. Его розовое личико вовсе не было испуганным – я хочу сказать, при виде крови у него даже не зашевелились волосы. Я вытер на себе самые крупные пятна, а затем, посадив его на спину, открыл окно. Мы прыгнули на пожарную лестницу и поднялись по ней на крышу.

Там примерно в пятнадцати шагах стояли, как минимум, трое из восьми полицейских, игравших в карты.

– Стоять – или будем...

Потом мы услышали свист пуль – какой-то нереальный: так они свистят, когда целятся прямо в тебя, и я почувствовал, как что-то ужалило в локоть, но либо мы оказались слишком проворными, либо копы решили, что мы улизнули. Мы перепрыгивали одно здание за другим, а затем – вниз, вниз, вниз, на улицу и, сквозь мягкую снежную пелену, к Десятой авеню.

Меня слегка задело несколько полицейских пуль. Мы не могли идти к Миму, пока я не осмотрю себя, и к тому же Птенчик потерял на бегу свою об-

увь, штаны и прекрасную меховую шапку. Мы промокли до костей и дрожали. Нашли заброшенный товарный склад и спрятались в задней его части за какими-то тюками шерсти. Дежурные полицейские машины почти тотчас же проехали мимо, направив красные прожекторы прямо туда, где мы прятались, и сирены истошно завыли.

Раздевшись, я обнаружил лишь зарубки от пуль, но как только мое тело полностью обнажилось, мальчик заметил предмет, который я утаивал от людей. Ведь, даже раскрывая свое тело перед белыми, я всегда прятал свой секрет – источник моей привычки, о которой я должен сейчас кое-что рассказать, ибо моя история, да и жизнь подходят к концу...

Рана моя была открыта, мальчик засунул туда руку, и выступило немного гноя. Птенчик не почувствовал ни отвращения, ни тошноты, и, пока я жег спички одну за другой, мне в голову пришла выморочная мысль: если бы он убежал со мной вдвоем, порвал с Мимом и стал для меня всем, я мог бы отказаться от другой своей привязанности, если можно ее так назвать.

Ухватившись за слово *привязанность* и держа мальчика за руку, я поведал ему о невероятном – о мире моих «нумеров».

– Ты слышал об *Aquila chrysaëtos* – уже почти вымершем виде?.. – Тут я рассказал ему о птице, которую выкрал ночью с одного острова, вырастил, как свою собственную, и однажды ночью, когда она умирала...

Подняв головы, мы посмотрели в лица двум полицейским...

Один сразу схватил Птенчика и убежал с ним, а второй начал надевать на меня наручники, но я оказался сильнее и мешал ему, поэтому он стал бить меня наручниками по губам.

Как бы смягчившись, он отпустил меня, и вдруг первый коп, забравший мальчика, пронзительно завопил:

– Малец убёг!

Как только он скрылся, я не спеша оделся, а затем прошагал в заднюю часть здания. Там текла река, похожая на смолу, луна не светила, сыпался мокрый снег, а вдалеке на пирсе, – прекрасно видимый, точно его озаряли десять лун, – стоял Райский Птенчик.

Я побежал, но силы покинули меня, и он зашагал мне навстречу, как будто настал солнечный день в парке, а мы не были беглецами или похитителями. – Чего ты хочешь, Птенчик: убежать со мной или

пойти к прадедушке?

Он нерешительно кивнул.

– Я спрашиваю: тебе нужен я или Мим? – снова пытал я, а затем опустился на колени, чтобы посмотреть на его губы и в глаза. – Я буду заботиться о тебе до последнего вздоха – сделаю тебя своей привычкой.

Он юно улыбнулся и осторожно взял меня за руку.

- Но я должен признаться тебе, от чего отказываюсь. Я не могу больше оставаться с *Aquila chrysaëtos* - Золотым Орлом.

Он ждал, потупившись.

– Этот малый был до тебя самым поразительным чудом, которое я встречал, и единственным, кто мне доверял, но, в конце концов, он стал требовать слишком много. Я ежедневно тратил тысячи долларов на его импортное питание, однако он нуждался в свежем – от живого человека, понимаешь, и когда все другие средства кончились, мне пришлось стать его живой пищей, чтобы не потерять его, - я показал на свою рану. – Под солнцем нет другой такой же сильной боли, Птенчик, но удовольствие столь же огромно, ведь оно приравнивает меня к богам. О да, по высокому повелению Орла я становлюсь духом... Но если ты пойдешь со мной, мы бросим его... Поверь, лучше его убить, ведь кто станет, подобно мне, кормить его своей живой кровью? Обойди всю землю, и ты не найдешь второго Альберта Пеггса... Ты следишь за моим рассказом? Сейчас я поведал об этом первому человеку, когда-либо...

- Путешествия заканчиваются любовными свиданиями! послышался хриплый голос, и я внезапно остановился. Нам даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять: это Мим, размахивая тяжелым красным фонарем, отобранным на улице у какогото ремонтного мастера, жестом приглашал нас в запряженный лошадьми экипаж вроде того, на который глазеют туристы, когда он проезжает через парк.
- Нельзя терять ни секунды, прошептал он, как только подобрал нас и усадил рядом с собой в кабриолет. После того, как он сказал кучеру пару слов на парижском французском, мы стремглав пронеслись вдоль вереницы ожидающих патрульных машин, ни один полицейский в каске не обратил на нас внимания, а затем направились к бруклинским докам.
- Тише, ну тише, Альберт, успокаивал меня Мим, пока я рыдал у него на руках, прислушиваясь к стуку лошадиных подков о мостовую. – После жизни с этой злодейкой с Пятой авеню у тебя внутри чтото лопнуло. Возможно, и впрямь воспаление мозга, откуда мне знать... Что касается орла, который тебя якобы трогал, – какой вздор! А насчет того, что он лакомился тобой, – ну где же это видано... Но даже если все твои небылицы – святая правда, неужели ты думаешь, что у нас есть время ехать в «нумера», где нас могут задержать стражи порядка? Поэтому забудь, что ты был любовником гигантской хищной птицы, переутомившееся мое золотко, - утешал он меня, взяв за руку. – И пожалуйста, не злоупотребляй моим добродушием и позволь человеку слегка постарше предостеречь тебя от использования некоторых модных нынче стимуляторов, с коими, как я заметил, ты хорошо знаком. Если ты слишком щедро

осыпаешь своими милостями всякого, кто делает тебе самый лестный комплимент, это тоже изнашивает нервы. Послушай, не стимулируй себя сверх меры! Ты должен сохранять свою юность и приятную наружность, как это делаю я, ведь когда и то, и другое исчезнет, тебе придется трудиться в поте мышц твоих, которые, хотя они и посрамят ближнего твоего, все же не принесут тебе тех кругленьких сумм, что ты зарабатываешь сейчас своей неотразимостью... Нет, Альберт, не поедем мы в «нумера», дабы взглянуть на Клауд-Ленд. Это плоско...

Я засунул голову между его коленями и так отчаянно вскрикнул, что он начал слабеть и велел кучеру чуть притормозить.

- Как подумаю, какой чепухи ты нагородил этому бедному мальчику! посетовал он и, отпихнув меня, начал гладить своего правнука по волосам. Что́ подумает паренек после рассказов о том, как крылатая тварь лакомилась твоей сырой плотью!... Я вижу, ничего не остается, кроме как развернуться и поехать в «нумера», чтобы доказать хотя бы мальчику, что такого животного, которое ты себе вообразил, нет и никогда не было...
- О, благодарю вас, Илайджа, сказал я, попытавшись схватить его за руку.
- Ты видишь, ну разумеется, видишь, что твое обаяние вынуждает меня поступать вопреки здравому смыслу, проворчал он. Промедление может стоить нам очень дорого нас упекут за решетку на всю оставшуюся жизнь... Ничего не бойся, успокоил он правнука, который вопрошающе посмотрел в лицо Илайдже. Ничто не может нам навредить. Судьба на нашей стороне...

Отдав кучеру подробные распоряжения, куда ехать, он продолжил:

– Знаешь ли ты, Альберт, что ради нашего сегодняшнего побега я заложил всю свою собственность –

серебро, фарфор, старинные картины, кольца. И вот, когда свобода уже близка, мы возвращаемся в город из-за твоего каприза: чтобы доказать, что твой любовник – орел! Господи, мы все держим курс на психбольницу. Пеггс, ты разбил мне сердце... Тебе еще долго жить, прошу, научись когда-нибудь благодарности, если сможешь...

Экипаж остановился.

– Это здесь, Альберт Пеггс? – рявкнул он на меня, и я кивнул. – Очень хорошо, теперь все выходим, пожалуйста, и пойдем снимать позолоту с имбирного пряника... Мне хочется шлепать тебя, пока ты не заснешь...

Лифт в этот час не работал, – с наступлением темноты жильцам и впрямь запрещалось входить в здание, как я уже указывал раньше, – и нам пришлось пройти четыре лестничных марша. Ах, как дрожали в темноте мои пальцы, перебирая ключи! Я открыл первую дверь (мальчик и Мим следовали за мной по пятам), затем вторую – побольше, и наконец мы остановились перед фиолетовой дверкой, усеянной серебряными звездами. Я мог бы поклясться, что услышал шум его крыльев.

- Ты не спишь, милый? проговорил я в древесные щели.
- Ну и фантазер, пробормотал Мим. Это уму непостижимо.
- Ответь мне, ведь ты знаешь, что я принадлежу тебе, продолжил я и тихо всхлипнул. Он ушел, Мим, ушел навсегда. Вы с Миллисент отняли у меня единственную радость.
- Во имя всего святого, к кому ты обращаешься сквозь эту щелочку? Нам нельзя терять ни минуты! Полиция практически у ворот, ей приказано стрелять в нас без предупреждения, а ты тут грезишь и порешь чушь. Я не допущу этого, черт бы побрал

твою душу! – Резко навалившись на дверь (что свидетельствовало о недюжинной силе), он выломал ее, и мы столкнулись... с пустотой.

– Здесь нет даже насеста, на котором могла бы сидеть твоя крылатая тварь, – и, обозрев пол, он продолжил: – Ни кучки помета и ни единого перышка – ты сумасшедший!

Но не успел он вымолвить это слово, как все мы одновременно заметили письмо, лежавшее на полу. Мим подобрал его.

– Я вскрою послание? – спросил он. – Наверняка, от нее, ведь она – величайшая анонимщица, когда-либо водившая пером по бумаге. Тем не менее, возможно, это станет для тебя, Альберт, неприятным сюрпризом...

Я был так потрясен утратой и пропажей своего Aquila chrysaëtos, известного hoi polloi, как сказала бы Миллисент, под именем Золотого Орла, что не мог даже дышать. Но, как это ни странно, зная о том, что он исчез, я не почувствовал приближения своего обычного припадка. Я был спокоен, хладнокровен и собран, но в мои жилы как бы проникла настоящая смерть. Теперь, когда он исчез, не было смысла жить дальше, и, словно для того, чтобы доказать наконец Миму, что он задел меня за живое, я снял драгоценности, покрывавшие мой живот, и обнажил область вокруг пупка, которая представляла одну сплошную рану.

– Зачем ты постоянно оголяешься? – злобно крикнул он, оторвавшись от письма. – Разве твои лучшие члены недостаточно восхвалены? Прошу тебя, не будь столь примитивен. Застегнись и послушай это письмо, которое написала нам наша старая блядь:

Я ВСЕГО ДВУХ ШАГАХ ДОРОГИЕ МОИ. КУДА БЫ НИ ЗАНЕС ВАС ДОРОЖНЫЙ ВЕТЕР ОН НЕПРЕМЕННО ПРИВЕДЕТ ВАС ТОЙ ЧТО ДЕЛАЕТ ВСЕ РАДИ ВАШЕ-

ГО БЛАГА. УСПОКОЙ АЛЬБЕРТА СВЯЗИ ЕГО УТРАТОЙ НО ПРЕДУПРЕДИ ЕГО: ОН НЕ МОЖЕТ ДЕЛИТЬ МОЮ ЛЮБОВЬ ДРУГИМ!

М. ДЕ Ф.

И вот мы вновь очутились в экипаже, а Мим торжествовал, сумев выставить меня одновременно дураком и лжецом, как вдруг с какой-то отдаленной улицы опять послышалась стрельба.

- Не обращай внимания на эти ружейные выстрелы, посоветовал он, изучив мое лицо, и наоборот, радуйся, что где-то там идет уличный бой, который отвлечет полицию от погони за нами. Что ж, Альберт, из-за твоего болезненного воображения мы опоздали на пароход, но мы главные пассажиры, и нас обязаны подождать... Будь добр, поверни здесь налево, приятель, окликнул он кучера, при этом его слюну отнесло ветром назад, и она забрызгала мне лицо. Я протянул руку к широкому шейному платку правнука и вытерся.
- Попрошу объяснить смысл этого изящного жеста, сказал Мим и переключил все внимание на меня...
- Если хотите знать, вы заплевали меня своей мокротой, резко ответил я.
- За все годы выступлений перед публикой четырех континентов, дорогой мемуарист, меня ни разу не обвиняли в столь омерзительном проступке... Изволь попросить у меня прощения, будь так любезен. Я настаиваю...

Я передал платок обратно Птенчику и поцеловал его.

- Альберт, я жду извинений.
- Не дождетесь, Илайджа, ответил я ему с шатким спокойствием.
- Совсем-совсем, дорогой? ласково произнес Мим, как нередко бывало, когда он содрогался от ярости. Как ты смеешь говорить в таком тоне с тем, кто вознес

тебя на подлинную вершину величия? Да если бы не я, ты сейчас срезал бы в поле хлопок! – завопил он, позабыв, что я сам обратился к Миллисент Де Фрейн с просьбой о приеме на службу и что именно она познакомила меня с ним. – Мой извечный грех в том, что я слишком великодушен со своими поклонниками... Я так сильно нуждаюсь в любви, что расточаю доброту там, где она понимается превратно, осыпаю благодеяниями тех, кто принимает их за разменную монету, и прославляю тех, кому вполне хватило бы скрипучей рутины...

- Вы не верите в *него!* закричал я с такой страстью, что вся кровь выплеснулась у меня изо рта ему на ладони и грудь.
- Альберт, дорогой, ты испачкал меня, сказал он слабым, но утешающим голосом. Альберт, дорогой, ты хорошо себя чувствуешь?
- Вы не верите в него, прошептал я и затрясся от рыданий, а Мим достал из сумки, стоявшей у ног, какие-то старые тряпки и начал оттирать себя и меня от крови.
- Если веришь ты, то верю и я, Альберт. Полагаю, ты намекаешь на орла, он говорил таким тоном, каким низложенный король, возможно, читает указ о своем изгнании. Доки прямо перед нами. Давайте все спокойненько поднимемся по трапу. Помните: нас разыскивает полиция, готовая стрелять без предупреждения, если мы окажем сопротивление. За всем этим, разумеется, стоит та наштукатуренная карга само воплощение человеческой подлости. Ах, Альберт, если б ты знал, как я ненавижу ее и как она мне опостылела! Но я ни о ком не могу больше думать! Она экспроприировала у меня все самое лучшее, дорогой мальчик... Взгляни на меня! Разве я не похож на развалину? Да уж, я не на высоте.

Он взял карманное зеркальце, чуть разгладил волосы и припудрил лицо.

Затем, слегка напряженно подняв голову и сжав губы (как всегда делал перед выходом на сцену), Мим сказал:

– Приготовимся к посадке, джентльмены.

Выйдя из кабриолета, мы услышали совсем рядом приближавшуюся стрельбу, но Илайджа, похоже, не обращал на нее никакого внимания. Впрочем, когда выстрелы загрохотали с удвоенной частотой, он тотчас остановился и, припав губами к моему уху, сказал по секрету:

– Возможно, ни ты, Альберт, ни я больше никогда не услышим салюта из двадцати одной пушки, так что ради нас всех прошу тебя: не вешай нос!

Пока мы втроем поднимались по трапу на корабль, большие белые снежинки посыпались еще гуще, и это зрелище не могло вселить в меня хоть какое-то душевное спокойствие.

Илайджа чуть было не направился обратно к поджидавшему кабриолету, как вдруг впервые заметил название нашего корабля – зазубренные черные буквы неясно проступали сквозь снежную пелену:

«КОРОЛЕВА ДИК», БЫВШИЙ «ОЩИПАННЫЙ ГОЛУБЬ»

Офицер в дождевике, широком, как маленькая палатка, пошел нам навстречу, выкрикивая невыразительным голосом зазывалы:

- Группа мистера Илайджи Траша сюда, господа, проходите вперед!
- Но капитан, голос Илайджи громко загудел над водой, корабль, на котором я забронировал места, должен был называться «Hors de Combat»*!

И не сделал больше ни шагу.

- Но это же один и тот же корабль, мистер Траш, возразил офицер и, поставив ноги вместе, отдал Миму честь. Затем довольно тихо, так, чтобы слышно было
- * «Побежденный» (ϕp .).

100

только Илайдже, он сказал: – Впрочем, я не капитан корабля – он с нетерпением ждет вас и вашу группу за своим, разумеется, столом... Пожалуйте сюда, сэр. Вы, безусловно, на том самом судне, и, прошу вас, забудьте о путанице в названиях. Можно, я понесу младшенького? Вид у него совсем измотанный.

– Это было бы чрезвычайно любезно с вашей стороны, благодарю вас, – заговорил Мим в своей великосветской манере, – ибо я не знаю ни одного малыша на всем белом свете (не считая Принцев в Тауэре^{*}), который пережил бы в последнее время такие же злоключения, как мой любимый правнук – мы, близкие, сэр, называем его Райским Птенчиком...

Пока он трепал языком, я неожиданно бросился наутек и побежал вниз по трапу, как вдруг Мим помчался за мной и грубо потащил наверх, не переставая при этом болтать с офицером, несшим теперь на плечах Птенчика.

Почти в ту же минуту мы услышали, как убрали трап, и все сирены завыли разом. Да, мы скоро должны были выйти в открытое море, а я не имел никакого опыта мореплавания и был уверен, что захвораю и помру.

Нас провели в просторную, хорошо освещенную каюту и принесли спиртного Илайдже и мне, а также нагретого виноградного сока – Райскому Птенчику, который напоминал трупик, плавающий в соленой морской воде.

- Никому на свете невдомек, с какой радостью я покидаю этот невыносимый город, говорил мне Илайджа, когда к нам подошел другой офицер и низко поклонился.
- * Эдуард V (1470—1483?) и его брат Ричард Шрусбери, 1-й Герцог Йоркский (1473—1483?), сыновья короля Эдуарда IV и Елизаветы Вудвилл, которых их дядя, Ричард III, заточил в 1483 г. в Лондонском Тауэре.

- Вы, конечно же, капитан, Илайджа протянул руку.
- Нет, к сожалению, должен вас разочаровать, мистер Траш, но капитан, натурально, ждет вас в банкетном зале... Если вы туда направитесь, то окажете нам поистине великую честь. Мистер Траш, извольте взять меня под руку мы должны известить о своем прибытии...
- Я взял билеты на корабль «Hors de Combat», сказал Илайджа офицеру, который теперь, ведя нас в банкетный зал, похоже, не обращал никакого внимания на то, что ему говорили, и я как раз объяснял своему доброму другу, мистеру Альберту Пеггсу, что меня просто ошеломило нынешнее название, которое...

Отворилась большая ослепительно-оранжевая дверь, и мы очутились на пороге каюты, казавшейся шире самого парохода. Перед нами накрыли великолепный праздничный стол для множества гостей, с пылающими свечами и охапками цветов, какие я видел только на пышных похоронах – повсюду сновали хлопотливые слуги. Было душно от аромата цветов и запаха жареного мяса.

В центре стола сидел человек в маске. Я предположил, что это капитан, хотя почему он в маске, не имел ни малейшего понятия.

- У меня все же дурное предчувствие, Илайджа повернулся ко мне, освободив ладонь из руки офицера. Я больше не подозреваю я уверен, что мы сели не на тот корабль...
- Значит, твои страхи были в высшей степени напрасны, единственный мой ангел! донеслось до нас хорошо знакомое низкое контральто, с лица «капитана» упала серебристая маска, и мы увидели под ней древние черты Миллисент Де Фрейн всемирно известной наследницы. Ты впервые в жизни сел на нужный корабль! сообщила она Илайдже.

Илайджа Траш мгновенно метнулся к выходу и попытался прорваться мимо сдерживавшего офицера.

– Надень на него наручники, Белсайз, если он еще хоть раз попытается покинуть корабль, – обратилась она к помощнику, и офицер отвел Илайджу обратно к Миллисент.

Тут я почувствовал, как судно покачнулось. Испугавшись, что у меня начнется морская болезнь, я нетвердой походкой направился к банкетному столу и без приглашения сел в четырех или пяти шагах от Миллисент, привычно натиравшей руки розовой водой.

Сложив ладони рупором, Миллисент воскликнула, словно обращаясь к многолюдному собранию в большой комнате:

- Это наш с Илайджей свадебный пир!

Резким поворотом головы и взмахом руки она указала, чтобы Мима и Райского Птенчика подвели и усадили рядом с ней. Их буквально перенесли по воздуху четверо мужчин, в которых я сразу узнал тех юношей, что вечно дожидались во внешнем коридоре на Пятой авеню.

Ах, как мне стало дурно! Затем я вдруг взглянул вверх, и у меня так стремительно закружилась голова, что я упал на пол, будто тряпичная кукла. Дело в том, что в большом стеклянном ящике прямо над Миллисент я мельком увидел чучело Золотого Орла со всеми его неповторимыми перьями и так далее, которого любил и боготворил столько месяцев. Это была не копия.

– Батюшки, какие из нас сегодня неважные морячки!.. – посетовала Миллисент, с презрением взглянув на меня. – ...А сама-то я плаваю по морю, как пробка... Поднимите нашего смуглолицего друга – кто там из вас покрепче, ухажеры – и положите его вот тут слева от меня, ведь пора уже начинать пир...

И вот все мы словно бы вернулись в ампирную квартиру Миллисент или на премьеру в «Садах Арктура».

– Столь полному счастью всегда сопутствуют пугающие предчувствия, джентльмены, – начала Милли-

сент, а затем и вправду громко расплакалась в тафтяной носовой платок.

- Запомни, я видел старую крокодилиху в деле за много лет до того, как ты родился или был хотя бы задуман, Альберт, Мим повысил голос, силясь перекричать причитания Миллисент. Берегись, мальчик мой, ведь даже одна капля ядовитых выделений из ее глаз будет жечь, пока...
- Альберт, дорогой, перебила его Миллисент. Я буду век благодарна тебе за то, что ты для меня сделал... Ни одному мемуаристу или шпиону так и не удалось свести меня с Илайджей. Как ты знаешь, я пыталась добиться этого еще с 1913 года. Благодаря своей удивительной, первобытной, но вместе с тем изощренной силе ты все-таки совершил это. В знак своей признательности, Альберт, я сегодня же подарю тебе свободу по окончании пира отправлю тебя обратно на частной лодке и назначу тебе пожизненную стипендию... Не знаю, где проведу с Илайджей медовый месяц, но мы будем отправлять тебе открытки из каждого порта...
- Останови ее, Альберт, беги в ближайшую радиорубку и дай сигнал сос. Ведь в этой стране пока еще действуют законы!
- Илайджа, даже деревенский мужлан, верящий тому, что говорят по радио или пишут в газетах...
- Я уже никогда не смогу вернуться, Миллисент, и в любом случае предпочел бы остаться на борту! Во мне вдруг проснулась подлинная ответственность за безопасность Илайджи и его правнука, тем более что мой Золотой Орел был мертв.

Но затем я неожиданно почувствовал страшную боль в правом ухе. Она была нестерпима, и я прижал ладонь к ушной раковине.

– Боль в ушах нередко возникает из-за морской болезни или непослушания, милейший Альберт... Позволь-ка мне осмотреть твое ухо, – Миллисент низко

04

наклонилась ко мне. – Айворс, принеси мою ушную ложечку... поищи ее в старом кухонном шкафу вон там. Ты – прелесть...

Она взяла у Айворса, одного из своих любовников в отставке, ушную ложечку и начала ковырять ею у меня в ухе. Боль была адская, но Миллисент извлекла на свет столько предметов – комки ваты, цветочные лепестки, парочку насекомых, золотую пуговицу, почтовую бумагу, – что я поневоле был ей признателен. Когда она все закончила, я почти пришел в чувства и, забыв о предостережениях Илайджи, стал осыпать ее руку поцелуями, пока она не сказала ласково:

- Довольно для ужаленных пчелами губ.
- Вы оба абсолютно отвратительны, воскликнул Илайджа.
- А почему бы нам всем не выпить вина? Она хлопнула в ладоши, несколько дверей одновременно открылись, и новые, скудно одетые молодые люди стали вносить бутылки и лед.
- Дабы устранить любые поводы для раздора и предрассудков, голос Миллисент вдруг приобрел какую-то жреческую размеренность, которые могут возникнуть у всякого, позвольте сразу же вас заверить, что у нас наилучшие хлеб и спиртное, какие только можно достать. Мясо другое дело. Ешьте и пейте, крепыши, ведь вы сейчас на вершине мужской славы, а только ради славы я и живу...

Тут к огромному удивлению всех и, возможно, даже самой Миллисент Де Фрейн, Райский Птенчик по собственному желанию уселся на колени к престарелой наследнице и обвил ее руками. Она обильно напоила его вином.

После этого окончательного «изменения миропорядка» Илайджа нарушил целый ряд пожизненных решений и сделал большой глоток красного вина (он никогда не пил спиртного и не курил – из страха, что это нанесет вред его врожденному физическому

здоровью), а Миллисент сосредоточенно наблюдала за ним своими бисерными глазками – когда не целовала Птенчика.

– Любимые мои, – Миллисент начала что-то вроде послеобеденной речи, хотя мы все еще наслаждались основным блюдом – каким-то неопознанным довольно жилистым мясом, – сегодня, как вам всем, наверное, известно, – день моей свадьбы... После нашей помолвки пятьдесят с лишним лет назад мистер Траш и я собираемся вступить в брак в открытом море...

Рука Илайджи с самым эффектным сапфировым перстнем отчаянно затряслась.

105

– Ни одна охотница, – продолжала Миллисент, – не добивалась, не преследовала и, право же, не охотилась так долго, неустанно и заинтересованно за сво-им женихом...

В эту минуту, почувствовав, вероятно, крайнюю слабость и испугавшись, что потеряет сознание, Мим жадно проглотил пару кусков мяса со своей тарелки из цельного золота.

- Чью плоть я съел? вскричал он, давясь и хватаясь рукой за горло.
- Я не жалела ни денег, ни времени, для того чтобы пленить единственного человека, когда-либо пленявшего мое сердце. Заметьте, я разбираюсь в том, что такое брак. У меня было четверо мужей... Она остановилась на минуту, подобно старинной актрисе, которая, возвратившись на сцену, не может пока выучить единственный маленький монолог, заданный безумно любящим режиссером. Айворс, ангелочек, сходи-ка вон за тем маленьким гроссбухом, что лежит на мегафонах...

Айворс принес ей также лорнет, которого я никогда не видел у Миллисент раньше: видимо, он предназначался для морских путешествий.

– Ах, я ошиблась... *шесть* мужей, – вычитала она в гроссбухе. – Но я, ей-богу, не могу вспомнить, как

звали последнего, и здесь нигде не записано... Айворс, кем он был? Я припоминаю, что мы поженились в 1970-м...

– Патрик Филькин, мадам...

106

– Да нет же, ты меня совсем запутал. Этот был в 1968-м, забывчивый мой голубчик...

Она просмотрела пару разрозненных листов бумаги, хотя сложить их по порядку было трудновато из-за дополнительного веса Райского Птенчика на коленях...

- Это мясо, Миллисент, совсем не вкусное, пожаловался Мим более обыденным тоном.
- Тогда попроси стюарда принести что-нибудь не столь $recherch\acute{e}$, моя прелесть.

Она вновь прилежно склонилась над своими записями.

- Боже правый, Альберт, Миллисент положила лорнет и посмотрела на меня: дело в том, что я сидел теперь в нескольких стульях от нее и, нужно признаться, немного отвлекся на поцелуи, которыми осыпал меня один из «ожидающих» молодых людей на службе у Миллисент. Альберт! Это же твои собственные записи, ей-же-ей... Здесь невероятные нападки на нас с тобой, Илайжда, ты должен послушать, что мальчик думает о нас!
- Как ты можешь удивляться, что он пишет о тебе гадости, Миллисент, если ты сгубила его жизнь? сказал Илайджа, накладывая себе жареный колечками картофель. Затем он положил ложку и посмотрел на меня, качая головой. Ты свела с ума этого мальчика с хлопковых полей, как сводила всякого, кто обменивался с тобой хоть парой фраз... Ты расшатала ему психику, и теперь он считает, что какой-то орел был его любовником...
- Так и было, Миллисент отложила записи, сделанные, по ее утверждению, мною.

– Ты просто издеваешься над...

Но в эту минуту я громко вскрикнул, потому что один из юношей заполз под праздничный стол и начал кусать меня за самые нежные места.

– Альберту все равно пришлось бы когда-нибудь выйти в свет, Илайджа, и хотя мы ему не подходили, в наш дрянной век подходящие люди, возможно, никогда и не нашлись бы. Я знаю, сколько сердец разбила, но лучше пусть твое сердце разобьет тот, кто окружает тебя вниманием, нежели тебя будут игнорировать и ты зачахнешь, нетронутый разрушительной бурей пагубных страстей... Вот, нашла, мои дорогие, – воскликнула она, ликующе показывая юридический документ. – В 1970 году я вышла замуж за Душечку Роллестона.

Тогда я впервые в жизни услышал о «запеченной аляске» $^{^{\pm}}$ и попробовал ее, а Миллисент тем временем ждала, не разрешая и остальным притрагиваться к своим блюдам, пока я не вынесу вердикт.

- Амнямням, как вкусно, повторял я снова и снова.
- Я не смогла бы выпроводить мальчика в такую ночь, не побаловав его желудок чем-нибудь особенным, так ведь, Илайджа? крикнула она через весь стол своему жениху.
- Ты не выходила за Душечку Роллестона так поздно, вспыхнул Илайджа, а затем, как бы довольный этим заявлением, принялся неустанно его твердить.
- Ты хочешь сказать, что мои документы лгут! Она вдруг вскочила, а Птенчик при этом громко шлепнулся на пол. Слуга подобрал мальчика и вынес его из комнаты.
- Сядь, дорогой, ядовито сказала она мне, когда я встал, беспокоясь о Птенчике, и скажи стюарду, чтобы принес тебе еще одну порцию «аляски»...
- Убавь чуточку свет, Айворс, произнесла она нараспев, полагаю, церемония скоро начнется...

107

^{*} Изысканное (*фр.*).

^{*} Торт-безе с мороженым.

Сходи за шкатулочкой, вон там, рядом с букетом гиашинтов...

– Мерзопакостная старость! – воскликнул Илайджа: наверное, он впервые в жизни опьянел, но поскольку меня уже списали с корабля, я не стал пенять на него, к тому же у меня самого помутился рассудок – я впервые в жизни не смог вспомнить собственного имени. Я спросил Миллисент напрямик, как меня зовут, она сощурилась, и я понял, что это подсказало ей новую идею.

В эту минуту Райский Птенчик опять вошел в зал в прекрасном новом костюме, которого я уже не помню, но, кажется, это был адмиральский мундир.

– Теперь все в сборе и готовы к церемонии, – тихо сказала Миллисент.

Она быстро всплакнула и сложила руки.

– В суде, Альберт (ведь ты, наверное, читал множество небылиц обо мне), так вот в суде я всегда выступаю в роли собственного адвоката: отчасти чтобы сократить расходы, а также потому, что юристы не помнят о таком глубоком прошлом, какое помню я. В этот священный миг, когда мы с Илайджей станем единой плотью, я выступлю в роли собственного священника. Спасибо, – сказала она, наверняка посмотрев, как я понял позже, в пустоту, а мои попытки увидеть человека, к которому она обращалась, рассмешили ее.

Тут у меня возникло головокружительное чувство, будто я на свадьбе у собственных родителей, и я громко попросил еще стакан вина.

– Моей щедрости нет предела, Альберт, – начала она, рассматривая меня, – и хоть я заставляю себя немножко на всем экономить, я никогда не скуплюсь, когда дело касается друзей. Что же до твоего орла, дорогой, – прошептала она в мое недавно очищенное ухо, – забудь его, ангел мой, ведь он издох бы в любом случае. Подумай, как жесток он был к тебе!

Сейчас ты нуждаешься лишь в любви – в целом море любви, разумеется, физической, и ты получишь все, чего пожелаешь. Лучшие твои дни еще впереди, дорогой... Как только мы с Илайджей поженимся, не забудь покинуть пароход. Благодарю тебя за все на тот случай, если мы больше не увидимся... Мне всегда приходилось хлопотать больше, чем хотелось бы, Альберт, помни...

Откуда-то с палубы послышалась музыка, вприпрыжку вбежали молодые люди с новыми цветами и поставили букеты на стол, а Миллисент молниеносно достала из какого-то ящика у ног весьма аляповатую опаловую диадему, которую нахлобучила чуть набекрень на голову. Диадема мешала ей пользоваться лорнетом, и поэтому она с некоторым трудом читала по черной книжечке.

- Мои нежно любимые, начала она.
- Я не слушаю, Миллисент, и я не в здравом уме, потому что ты подмешала что-то в вино, произнес Илайджа.
- Возлюбленные мои, для меня настал миг высочайшего счастья, подойдите же, сегодня день моей свадьбы... Кольцом сим обручаюсь с тобою, она взяла огромное золотое кольцо и поковыляла туда, где сидел, понурив голову, Илайджа.
- Приношу тебе тело мое и все свои мирские блага тебе отдаю.

С этим словами она схватила его за руку, как ловят зонтик, который вот-вот унесет крепчайшим восточным ветром, и насильно надела ему на палец большое кольцо, а Мим закричал от боли, изумления и ярости.

– Ты сделал все необходимое, милейший Альберт, – повернулась она ко мне. – Твоя карьера мемуариста окончена... Хочу заверить тебя в одном, истинный мой ангел, – она осыпала меня поцелуями, – я люблю тебя не только как женщина, но и как мать. Я и

TOO

впрямь твоя мать. Пусть никто не говорит, будто я не познала радостей материнства. Все они бесстыдно лгут. Я родила нескольких детей. Прислуга не заботилась о них, и бедные создания умерли, оставив меня в ужасном моральном и физическом состоянии. Поэтому я страдала от затвердения груди после рождения и смерти своего пятого отпрыска. Я познала муки матери, потерявшей ребенка...

– Да ничего ты не познала! – Илайджа Траш вскочил со своего стула, одновременно пытаясь сорвать с пальца кольцо...

- Оно не слезет, Илайджа...
- Ты мать?... Да ты просто мраморное чудовище, которое лакомится секрециями молодых мужчин, закричал он. Выпусти нас всех из этого своего корабля-тюрьмы... Я сейчас же пойду в радиорубку и отправлю сигнал сос.

На этой фразе он внезапно зашатался после всего выпитого вина и, пытаясь удержаться на ногах, схватил большую вазу с душистыми ирисами, но повалился навзничь, а цветы рассыпались по его распростертому телу.

– Альберт, – жалобно позвал он, – вернись в город и скажи, что меня тайно похитили. Попроси помощи у властей. Я вдруг ощутил свой истинный возраст, Альберт, дитя мое...

Я подошел к нему, помог встать, усадил в большое мягкое кресло и поцеловал на прощание.

– Никогда не говори «прощай», любимый, а только – $au\ revoir^*$. Не бывает прощаний меж душами, которые, подобно нам, с самого рождения знали одну лишь боль.

Я неуверенно кивнул.

Но, даже не успев хоть что-то ответить, я почувствовал, как руки Миллисент обняли меня, а ее губы

стали целовать меня везде. Она потихоньку сунула мне в руку конверт:

– Не заглядывай в него, пока не доберешься благополучно до лодки, дорогой... А когда поднимется ветер, попроси рулевого, чтобы дал тебе пальто потеплее... Теперь поцелуй на прощанье Птенчика, ведь он, конечно, отправится вместе с нами в кругосветное путешествие.

Я простился с Птенчиком, страстно меня обнявшим, и поцеловал всех молодых людей, ожидавших Миллисент, а потом закрыл за собой тяжелую железную дверь, ведущую на свадебный пир, и вышел на палубу подождать прибытия небольшой моторной лодки, которая должна была доставить меня обратно в город.

На улице и впрямь было очень холодно, и я согласился принять от палубного матроса тяжелое одеяло из конского волоса вместо пальто.

Ослушавшись Миллисент (как она, понятно, и ожидала), я вскрыл конверт и увидел там подписанный чек ровно на 200000 долларов оо центов.

Желая поблагодарить Миллисент Де Фрейн, я заколотил кулаком в тяжелую дверь, но она была теперь крепка и неподвижна, будто каменная стена. Все же, несмотря на ее толщину, я расслышал музыку и, как мне показалось, хлопки откупориваемых бутылок.

- Ты не должна была его выпроваживать! померещился мне голос Мима. Почему мне нельзя иметь хотя бы одного лакея, тогда как у тебя их добрых полсотни? Не прикасайся ко мне!
- Илайджа! Илайджа! звал я сквозь тяжелую дверь.
- Ваша лодка готова, сэр, обратился ко мне офицер и махнул рукой на веревочную лестницу, по которой я должен был слезть. В этот миг музыка оркестра мощно грянула сквозь дверь, и я мог поклясться, что мы все еще в свадебном зале.

II

^{*} До свидания (фр.).

[–] Альберт, – офицер потянул меня за рукав.

- Секундочку, пожалуйста, я заслушался звуками мелодии. Она унесла меня в прошлое в какой-то золотистый день в моем родном городе, но я не мог вспомнить названия мелодии этого счастливого времени своего детства.
- Вы не знаете название песни, которую они играют? поинтересовался я у офицера. Тот приложил ладонь к уху и прислушался.
- Старый цирковой мотивчик, сказал он и вновь стал подталкивать меня к веревочной лестнице.
- Называется «Красное крыло», добавил матрос, стоявший рядом.

Офицер укоризненно глянул на говорившего.

– Теперь вы попадете в хорошие руки, – офицер помог мне сесть в буксирную лодку. – Пройдет немало времени, прежде чем вы вновь увидите своих друзей там наверху, – он обнажил ряд белоснежных зубов с рекламы зубной пасты, и так как один глаз у него совсем не двигался, я решил, что он, наверное, стеклянный, а сам офицер – ветеран. Я по-прежнему слышал музыку и теперь убедился, что это и впрямы «Красное крыло», но падающие снежинки уже изгладили из памяти Алабаму.

Как сухопутный житель, я с большим трудом понимал то, что говорил мне лоцман, а разговаривал он непрерывно, но, поскольку он не требовал от меня ответов, я чуточку вздремнул, и это, очевидно, удовлетворяло его точно так же, как если бы я откликался на его речи. На борту находилось еще два или три других члена команды, но я был единственным пассажиром.

Не успели мы немного отплыть, как я услышал звуки проверки электрического мегафона, а затем – хриплый шекспировский голос Илайджи Траша, так отчетливо раздававшийся поверх снега и волн, будто я вернулся в «Сады Арктура» и присутствовал на концерте или репетиции.

- Мой любимый Альберт, долетает ли до тебя мой голос? начал он, и я тотчас вскочил и закричал:
- Да, долетает!
- Лучше вам сесть, сэр, он все равно вас не услышит, предостерег меня один из мужчин на корме. А не то у вас просто начнется морская болезнь.
- Альберт, я не могу выразить словами, как по тебе скучаю. Даже не знаю, когда я успел так привязаться к человеку твоего положения и происхождения. Ты буквально открыл для меня новый материк... Но я должен сказать, милый, - и тут он закричал в приступе горя и ярости, - могу лишь сказать, что я погиб, безвозвратно и навсегда – погибла та малость, что оставалась от меня. Увы, я иду ко дну! Она превратила меня в котлету! Разумеется, я не виню тебя, и ты тоже не вини себя. Возвратись в «Сады Арктура» и займи мое место. Сыграй все мои роли, ведь хотя ты сложен не так чудесно, как я, в будущем тебе, безусловно, суждено кружить головы еще много томительных сезонов. Но теперь послушай внимательно, Альберт. Она расторгает брак. Она привела меня сюда в брачные покои – я не хочу вдаваться в красочные подробности, переговариваясь с тобой через океан, но дело в том, что я абсолютно ее не удовлетворил. Разумеется, она избалована постоянной диетой из идеальных мужчин и целым реестром мужей – ты же помнишь, она не могла вспомнить их всех даже с помощью гроссбуха. Ах, Альберт, она ударила меня по самому больному месту. Принизила достоинства моего membrum virile* и имела наглость сказать, что моя сперма – ненадлежащей консистенции и объема. Она сделала это перед всей честной компанией, притащив меня обратно на свадебный пир. Сейчас она, наверное, в постели с боцманом, однако она погубила мою общественную репутацию и задела мое самолюбие. Разумеется, я сложен вовсе не

113

^{*} Мужской член (лат.).

как тапир или слон, но до сих пор никто ни разу не жаловался на размеры моего полового органа - ни разу! Как известно всей Европе, я – идеальная греческая модель. Альберт, я уже никогда не оправлюсь от такого оскорбления. Она попросила вернуть обручальное кольцо. Слышишь ли ты меня, мой чудесный преданный мальчик? Это так нервирует, когда говоришь сквозь бушующий ветер и ревущие валы и не получаешь ответа. Я знаю, ты не можешь ответить, ведь у тебя нет такого же электрического мегафона, как у меня. И, разумеется, наш задушевный разговор подслушивает hoi polloi. Изысканные умы ныне лишены уединения. Когда же я увижу тебя вновь? Этот свадебный круиз может длиться годами. Но ты должен заменить меня в мое отсутствие. Возьми себе, если хочешь, мое имя – что угодно, лишь бы «Сады» не закрывались. Они должны оставаться открытыми – слышишь, Альберт, восхитительный мой товарищ? Я отправляюсь в это долгое плавание, хотя не могу отличить правый борт от левого. Ага, шлюха как раз вернулась из брачного покоя, выжав из боцмана все соки. Она совокупляется противоестественным способом, и это не мудрено, ведь гарпия уже давно перевалила за сотенную отметку. Я ведь рассказывал тебе, как она сохраняет молодость... Теперь, любимый, я должен все объяснить, так как у меня нет предрассудков – кроме Райского Птенчика, который, кстати, уже поник и не переживет плавания, хоть я холил его, как мог, и не бросал в беде, и если он умрет, нам придется предать его останки волнам, а это, конечно, доконает меня. Однако что касается предрассудков, Альберт, ты знаешь, что у меня их нет. Я вижу тебя вечно-золотым, точно твой бедный орел, которого она зверски убила, а потом заставила нас съесть, как ты, наверное, догадался. Она утверждает, Альберт, что я относился к тебе снисходительно и что это не она, а я эндогамен.

Я говорю сейчас с тобой, Альберт, из специальной каюты, куда они меня недавно отвели, но я вижу все, что происходит в банкетном зале. Кстати, моя каюта называется «Вести из прошлого» - не правда ли, прекрасный образчик злобы? Любимый, я никогда не относился к тебе снисходительно, но всегда делился с тобой своими сердечными тайнами. Я простил тебя с самого начала за то, что ты был ее шпионом и мемуаристом и впутал меня в этот последний план похищения, который она вынашивала добрых пятьдесят лет. Разве я обвинял тебя в том, что ты окончательно привел его в исполнение? Никогда. С самого ледникового периода. Мы с тобой знаем и любим друг друга уже многие тысячи лет. Мне кажется, будто я не говорю, а читаю вслух любовное послание над темными океанскими волнами.

Примерно в эту минуту со стороны суши, к которой мы стремительно приближались, вспыхнул огромный фейерверк. Некоторые огни составляли буквы, но я так внимательно слушал Илайджу, что не разобрал их.

– Я не могу ублажить ее, дорогой, а ведь я удовлетворил бессчетных любовниц, - он вновь вернулся к теме своей мужской силы. - Мало того, что она оклеветала меня в той сфере, где я велик и где добился аплодисментов и признания всего света, так она еще и усомнилась в моем происхождении. Она сказала, что мое тело несет на себе плебейское клеймо. Ты представляешь, Альберт? Ведь мой род восходит к Вильгельму Завоевателю, тогда как все знают, что она происходит от каких-то разбойников из Джорджии, изгнанных справедливым парламентом из старой веселой Англии. Если королевские особы и шествуют сейчас по улицам Америки, ты знаешь, к кому обратиться, Альберт. В тебе ведь тоже течет королевская кровь, - продолжал он, чуть-чуть закашлявшись, наверняка, из-за морского воздуха. - 116

Возлюбленный мой, позволь мне сказать раз и навсегда: я люблю тебя и признаю твое исключительное величие и чувствительность, ты занимаешь особое место в моем сердце... Продолжай мою работу, прощай, она разъединяет меня. И как только Бог терпит таких извергов...

Вновь зазвучала цирковая музыка – на сей раз я узнал мелодию «Американского патруля», но очень горько расплакался, и меня ужасно затошнило, поэтому я вспомнил о том, что узнал мотив, лишь несколько дней спустя, перебирая в памяти свое первое океанское приключение.

В доке меня ожидала огромная толпа. В другое время эта делегация вызвала бы очередное удивление, но тогда у меня уже не хватало сил удивляться.

Впереди стоял Юджин Белами.

– Мы не можем терять ни минуты, – сообщил он, заключив меня в объятия. – Публика прождала уже больше часа... Вы ведь получили распоряжения? Вам

придется временно заменить Илайджу, пока он в свадебном круизе...

Мы неслись, словно ветер, по темным безлюдным улочкам с их товарными складами, похожими на шкатулки, и синими булыжниками. Я рыдал, не в силах остановиться: оплакивал кончину своего ручного орла и оплакивал Илайджу, которого, как я знал, больше никогда не увижу.

Затем, войдя в его гримуборную, я увешал себя безделушками и другими мелочами. Я решил было потихоньку надеть его cache-sexe, однако (жаль умалять его достоинства после всего им вынесенного) они не подошли, и тогда, надев бусы и подкрасив ресницы, я вышел на сцену к крошечной мерцающей рампе. Я увидел испуганное, но довольное лицо матушки Маколей.

– Леди и джентльмены, – начал я, как только фортепьяно ненадолго умолкло, – я... я. – и, наконец подавив рыдания: – я... – Илайджа Траш.

Издательства "Kolonna Publications" и «Митин Журнал» представляют книги Пола Боулза:

¹¹⁸ **НЕЖНАЯ ДОБЫЧА**, рассказы 1946–1950

ЗАМЕРЗШИЕ ПОЛЯ, рассказы 1950-1960

ПОЛНОЧНАЯ МЕССА, рассказы 1961–1976

ПУСТОЙ АМУЛЕТ, рассказы 1976-1993

ДОМ ПАУКА, роман

ВВЕРХУ НАД МИРОМ, роман

Как все великие путешественники, Пол Боулз создал собственную страну. Хотя в его книгах она находится в Северной Африке или Латинской Америке, подлинное ее место – Тропик Магии. Для Боулза магия – это тайная связь между миром природы и сознанием человека. Отыскать ее можно только интуитивно, поэтому Боулз и провел почти всю свою жизнь, мечтая о ней, в страхе и удивлении, в надежде разгадать шифр, который подарит ему «мудрость и экстаз – а быть может, и саму смерть».

Издательства "Kolonna Publications" и «Митин Журнал» представляют:

Райнхард Йиргль **СОБАЧЬИ НОЧИ**

Репортаж, местами эпатирующе-откровенный, о жизни в Восточной и Западной Германии до и после падения Берлинской стены. Роман, написанный в 1997 году, но продолжающий экспериментальную линию немецкого экспрессионизма. Зеркальная притча, персонажи которой оказываются гранями одной личности. Книга-лабиринт с алхимическим символизмом и множеством скрытых смыслов.

Алехандро Ходоровский **СОКРОВИЩЕ ТЕНИ**

Когда длинные рассветные тени укорачиваются, чтобы в полдень превратиться под нашими ногами в чуть заметные черные ореолы, они показывают свою истинную природу — это тайные корни, дающие нам свет. Короткие истории — семена, из которых растут большие романы. Сотни страниц долго плавятся в печи воображения, распадаются и наконец собираются в несколько строк, которые, подобно алхимическому эликсиру, позволяют достичь глубокого преображения... Маленькая история, благодаря своей вневременной краткости, может — если прицел был точным — словно револьверный выстрел, погрузить нас в невозможное Настоящее. Наше подлинное «я» — это око теней.

119

120

Эркюлин Барбен ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Антонен Арто **ГЕЛИОГАБАЛ**

Антонен Арто более всего известен как легендарный основатель Театра Жестокости, выдающегося проекта, полностью изменившего природу театра и перформанса, а также как поэт-сюрреалист и кинорежиссер. В 1933-м году издатель Робер Деноэль предложил Арто написать биографию Гелиогабала. Книга Арто отражает его собственные интересы наравне с теми, которые были свойственны Гелиогабалу. «Я написал эту "Жизнь Гелиогабала" так, как я проговорил бы ее, словно пересказывая. Я также написал ее, чтобы помочь читателям слегка разучиться истории, но в то же время уловить ее нить».

Издательства "Kolonna Publications" и «Митин Журнал» представляют:

Альфред Честер **КОЛЕСНИЦА ПЛОТИ**

Баронесса Карла Арвон, прекрасная парижанка с ледяными волосами, покидает своего возлюбленного и исчезает на много лет. Ее труп находят в номере дешевой гостиницы. Как баронесса провела последние годы своей жизни? Кого она навещала каждую ночь? Отчего она умерла? Ответы на эти вопросы предстоит узнать ее другу Говарду Каннингему и читателю этой книги, который заодно получит рецепт, как заниматься любовью стоя на голове.

Ладислав Клима **СТРАДАНИЯ КНЯЗЯ ШТЕРНЕНГОХА**

В 1928 году, когда «Страдания князя Штерненгоха» впервые увидели свет, члены профсоюза чешских учительниц отказались от подписки на книжную серию «Плеяда», в которой была опубликована эта книга, поскольку «не покупают порнографию ради красивой обложки». Сам Ладислав Клима говорил, что его роман «в 10 раз реалистичнее и отвратительнее, чем Золя, в 10 раз фантастичнее, чем Гофман, в 10 раз непристойнее, чем Казанова, в 10 раз извращеннее, чем Бодлер, короче говоря — аморальность, хулиганство и безумие».

T2T

Габриэль Витткоп КАЖДЫЙ ДЕНЬ – ПАДАЮЩЕЕ ДЕРЕВО

T22

Габриэль Витткоп говорила то, что думала, жила, как котела, и умерла, как сочла нужным: приняв цианистый калий за два дня до Рождества – праздника, который она презирала. Холодные, мизантропические и блистательные книги Витткоп ее биограф сравнил с чудесным ядовитым цветком. Опубликованный посмертно роман «Каждый день – падающее дерево» – это портрет двойника автора, надменной и безжалостной Ипполиты, вспоминающей свою жизнь, озаренную гордым пламенем презрения к человечеству.

Рональд Фирбенк ИСКУССТВЕННАЯ ПРИНЦЕССА

Рональд Фирбенк (1886—1926) проводил свои дни в изысканной неге. Романы он сочинял на почтовых открытках в украшенных цветами номерах отелей. Его передвижения по миру были непредсказуемыми. «Завтра отправляюсь на Гаити. Говорят, президент там Настоящий Душка!» — сообщала телеграмма, которую получил от него приятель. На торжественном ужине, устроенном в его честь, патологически пугливый писатель решился проглотить лишь одну горошину. Он почитал слово «отдохновенный» и все книги, которые ему нравились, называл отдохновенными.

Издательства "Kolonna Publications" и «Митин Журнал» представляют:

Алехандро Ходоровский ПОПУГАЙ С СЕМЬЮ ЯЗЫКАМИ

Члены «Общества цветущего клубня» – поэты, паяцы и блудницы, затерявшиеся в психоделических ландшафтах параллельного Чили, переходят из одного трипа в другой. Они умирают и воскресают по воле Алехандро Ходоровского, легендарного кинорежиссера, мима, психошамана, исследователя языка Таро и создателя эзотерических комиксов. «Попугай с семью языками» – книга, получившая во Франции Премию черного юмора, – впервые публикуется в России.

Альфред Дёблин **ПОДРУГИ-ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ**

В марте 1923 года в Берлинском областном суде слушалось сенсационное дело об убийстве молодого столяра Линка. Виновными были признаны жена убитого Элли Линк и ее любовница Грета Бенде. Присяжные выслушали 600 любовных писем, написанных подругами-отравительницами. Процесс Линк и Бенде породил дискуссию в печати о порочности однополой любви и вызвал интерес психоаналитиков. Заинтересовал он и крупнейшего немецкого писателя Альфреда Дёблина, который восстановил в своей документальной книге драматическую историю Элли Линк, ее мужа и ее любовницы.

123

123

Александр Ильянен **БУТИК VANITY**

Светящееся здание «Бутика Vanity» теперь открыто для посещения. Пустующие этажи романа-с-ключом и романа-без-вранья, нового романа и петербургской повести Александр Ильянен заполняет прозой высокой концентрации, прекрасной ясности, хирургической точности – и давно забытого образца. Чтобы оценить возможности этой эфирной скорописи, не нужны навыки дешифровщика: так мог бы писать какой-нибудь пушкин-007 – обезьяна, тигр и француз в одном прозрачном флаконе. Книга удостоена премии Андрея Белого за 2007 год.

Кэти Акер **БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ**

«Большие надежды» – постмодернистский шедевр Кэти Акер (1948–1997), построенный на бесчисленных явных и скрытых цитатах. История героини предстает в декорациях, позаимствованных у Чарльза Диккенса, Германа Мелвилла, Бена Джонсона, Марселя Пруста, Пьера Гийота, Раймона Русселя и безымянных сочинителей бульварных романов. Ощутив эмоциональную смерть модернизма, Кэти Акер разрушила все коды, чтобы пробиться к сердцу читателя.

Издательства "Kolonna Publications" и «Митин Журнал» представляют:

Йозеф Вахал **КРОВАВЫЙ РОМАН**

125

Созданный прямо в типографском наборе без рукописи «Кровавый роман» — литературный памятник, которому нет аналогов. Его можно воспринимать как образчик автоматического письма, которое проповедовали сюрреалисты, как постмодернистский коллаж, пародию, произведение книгопечатного искусства, а можно просто читать как забавный приключенческий роман. Выпущенный в 1924 году тиражом 17 экземпляров для коллекционеров, «Кровавый роман» приобрел колоссальную популярность в начале 90-х годов, через четверть века после смерти его автора, художника и оккультиста Йозефа Вахала. Роман многократно переиздавался, был экранизирован, и ценители называют его лучшей книгой, написанной в двадцатом столетии на чешском языке.

Гай Давенпорт **СОБАКА ПЕРГОЛЕЗИ**

В первый на русском языке сборник эссе одного из лучших американских писателей вошли тексты о Витгенштейне, Челищеве, Кафке, Раскине, Набокове, Эдгаре По, секретах застольных манер, искусстве собирать индейские стрелы и таинственной собаке Перголези.

Герард Реве **МАТЬ И СЫН**

126

«Мать и сын» – исповедальный и парадоксальный роман знаменитого голландского писателя Герарда Реве (1923–2006). Мать – это Святая Дева Мария, а сын – сам Реве. Писатель рассказывает о своем зародившемся в юности интересе к Католической Церкви и, в конечном итоге, о принятии крещения. По словам Реве, такой исход был неизбежен, хотя и шел вразрез с коммунистическим воспитанием и его открытой гомосексуальностью. Единственным препятствием, которое Реве пришлось преодолеть для того, чтобы быть принятым в лоно Церкви, являлось его отвращение к католикам. На страницах книги Реве ищет не только духовного единения с Девой Марией, но и плотского союза с идеальным партнером – юным вокзальным носильщиком, которого он окрестил Матросом.

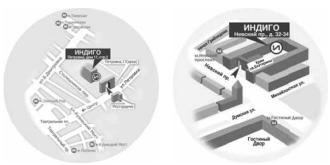
Уильям Берроуз **БЛЭЙДРАННЕР**

Предсмертный бред знаменитого гангстера... Исчезновение тайной библиотеки предводителя секты ассасинов... оргии в гигантском лепрозории... опустошенный Нью-Йорк 2014 года... Это фильмы Уильяма Берроуза, которые вы никогда не увидите на экране.

Место встречи - магазин «ИНДИГО»!

«Тематические» литература и кино Все книги издательства «Колонна» Полная подшивка журнала «Квир» Эротические фотоальбомы и календари Мужское нижнее белье и плавки известных марок Джинсы, рубашки, ремни, сумки

Москва, ул. Петровка, д. 17, стр. 2 (495) 783-0055, 507-4623 Время работы: с 10 до 22, без выходных Проезд: М. Чеховская, Охотный ряд, Кузнецкий мост Вход в арку напротив Мосгордумы

> Санкт-Петербург, Невский пр., д. 32-34 (812) 448-5533, 570-4107 Время работы: с 11 до 23, без выходных Проезд: М. Невский пр., Гостиный двор Вход в арку во двор слева от храма

Книги издательств «Митин Журнал» и "Kolonna Publications" можно приобрести в Москве:

«Проект ОГИ» Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2

«Ад Маргинем» і-й Новокузнецкий пер., д. 5/7

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27

«Гилея» Нахимовский пр-т, д. 51/21,

«Дом Книги на Ладожской» ул. Ладожская, д. 8

«Молодая гвардия» ул. Б. Полянка, д. 28

«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8

«Букбери» сеть книжных супермаркетов

«Республика» 1-я Тверская-Ямская, д. 10

«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5

«Москва» ул. Тверская, д. 8

«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2

«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

В Петербурге:

«Петербургский Дом книги» Невский пр., д. 28

«Буквоед» сеть магазинов

«Индиго» Невский пр., д. 32-34

ДК им. Крупской, стенд фирмы «Ретро»

«Дарт» ул. Колокольная, д. 1

через Интернет:

"Ozon" ozon.ru

"Esterum" esterum.ru "Petropol" petropol.com

"Petropol" petropol.con «Болеро» bolero.ru

«Чакона» chaconne.ru

«Международная книга» mkniga.ru

«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

По вопросу оптовых продаж обращаться в 000 «Берроунз», тел. (495) 104-6836

Все книги нашего издательства можно заказать наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Джеймс Парди **Я – ИЛАЙДЖА ТРАШ**

Коlonna Publications. Россия, Тверь, а/я 2448 Подписано в печать 18. об. 2007. Тираж 1000 экз. Заказ \mathbb{N}° 1798 Формат 70 х 100/32. Объем 6.5 п.л. Гарнитура 1тс Charter Подготовлено на оборудовании Аррle Macintosh Отпечатано в Котовской типографии 403800, Волгоградская обл., г. Котово, ул. Коммунистическая, д. 84. Тел. (255) 4-49-10, 2-23-91